

Юлия АНДРЕЕВА

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

Серия исторических романов

Юлия Андреева
Фридрих Барбаросса

«ВЕЧЕ»

2015

Андреева Ю. И.

Фридрих Барбаросса / Ю. И. Андреева — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Серия исторических романов)

Императора Фридриха I Гогенштауфена прозвали Рыжебородым (Барбаросса). Его именем пугали детей, враги теряли уверенность, завидев непобедимые имперские знамена. Но при этом рыжебородый властитель был человеком бесконечно преданным своей семье, друзьям, делу. Став правителем огромной империи, он взял под надежную защиту вверенные ему земли, дал людям справедливые законы. Одного только не терпел Фридрих: вмешательства в его дела папы римского и главенства церкви над светской властью. А можно ли привести католическую державу к счастью и благополучию в условиях необратимого конфликта

Содержание

Об авторе	5
Глава 1. Начало	7
Глава 2. Наследник престола	12
Глава 3. Вихман[26] – дружба на века	15
Глава 4. Новая Юдит	18
Глава 5. Сказ Маттиаса Лотарингского[31]	20
Глава 6. Краеугольный камень	24
Глава 7. Конрад и политика	26
Глава 8. Жена	28
Глава 9. Святой Бернар	31
Глава 10. Роковая встреча	34
Глава 11. Путевые заметки	39
Глава 12. Византийские интриги	41
Глава 13. Смерть наследника. Заговор Эберхарда	44
Глава 14. Выборы	49
Глава 15. Эберхард – клубок тайн	53
Глава 16. Райнальд Дассель	57
Глава 17. Империя молодых	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Юлия Андреева Фридрих Барбаросса

Об авторе

Андреева Юлия Игоревна родилась в Ленинграде в 1969 году. Печататься начала с 1993 года.

В настоящее время член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор 47 книг, из которых большую часть составляют исторические романы, биографическая литература, а также книги нон-фикшн.

Кроме того, к настоящему времени Ю.И. Андреева издала более сорока сборников стихов и прозы, выступая как автор и как составитель. Регулярно публикуется в средствах массовой информации, есть заграничные публикации: (Австралия, США, Эстония, Украина, Германия).

Жизнь Юлии Андреевой тесно связана с ее произведениями. С семнадцати лет она служила в театре. Будучи прекрасным импровизатором, создавала моноспектакли и литературно-музыкальные композиции, с которыми выступала на различных площадках страны и зарубежья. Неудивительно, что из-под ее пера вышла книга «Айседора Дункан. Жрица любви и танца». Танцевала с творческим коллективом в Японии, две поездки на три и шесть месяцев – и появилась книга «Изнанка веера, или Приключения авантюристки в Японии» – документальный роман. А также остросюжетный роман «Трансмиссия», действие которого тоже происходит в Стране восходящего солнца, повесть «Прикосновение» и тетралогия «Геймер».

Любимый исторический период Ю. Андреевой – XII век, Лангедок (юг Франции – Тулузское графство). Об этом периоде Юлией написаны книги «Рыцарь Грааля», «Последний рыцарь Тулузы», «Тюремная песнь королевы».

Роман «Фридрих Барбаросса» – тоже XII век, только теперь уже место действия – Германия и Италия. А роман «Святы и прокляты» повествует о внуке Фридриха I Барбароссы, Фридрихе II, и детском крестовом походе.

Посещение Египта, а именно монастыря Святой Екатерины, там, где с незапамятных времен находится неопалимая купина и возвышаются горы Синай (библейская Хорив), и поездка в Израиль, с его Мертвым морем, змеиной тропой к крепости Масада, навели на мысль писать об этих библейских местах и об Ироде Великом. На ее счастье, как раз в то время в Израиле начались интенсивные раскопки, поэтому очень многие детали в описании дворцов Ирода писательница брала непосредственно из отчетов археологов.

В настоящий момент Юлия работает над биографией Людвиг ван Бетховена.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ Ю.И. АНДРЕЕВОЙ

- «Рыцарь Грааля» (2006)
- «Последний рыцарь Тулузы» (2006)
- «Двойник Жанны д'Арк» (2006)
- «Король Лебедь» (2006)
- «Ирод Великий» (2011)
- «Свита мертвой королевы» (2013)
- «Тюремная песнь королевы» (2013)
- «Карл Брюллов» (2013)

«Палач сын палача» (2014)

«Святы и прокляты» (2014)

Глава 1. Начало

В начале был Фридрих фон Бюрен¹, а Гогенштауфенов не было, и даже если бы спросили, где проживают Гогенштауфены, никто бы не мог ответить, потому что не о ком было бы говорить. – Я пишу эту летопись о своих предках, так как учитель – брат Иаков из Лорхского монастыря – поклялся, что при всех надерет мне уши, если я не смогу перечислить всех Штауфенов от основателя династии – первого человека. Вот и пришлось в летописцы податься, впрочем, если брат Иаков все-таки надерет мне уши, переложу летопись на стихи и пойду по миру вместе со странствующими вагантами, с ними весело. Вот потеряют единственного законного наследника, тогда узнают почем фунт лиха. Слезami горячими умоются, а меня и след простыл.

Никто не знает, были ли у Фридриха фон Бюрена графа Рисгау батюшка с матушкой, даже мой папа не знает, а ведь он Швабский герцог, даже матушка, даже дядька, что меня утром прямо с молитвы забирает ножи метать, да на деревянных мечях сражаться. А ведь он старый – седой весь и на лешака похож. Так что так и запишем: вначале сотворил Бог Фридриха фон Бюрена и надоумил его жениться на благородной вдове – хозяйке Эльзаса Хильдегарде, дочери графа Гуго V фон Эгисхейм-Дашбург. И стали они поживать, добра наживать.

Раз преследовал Фридрих хозяин Эльзаса в своем лесу благородного оленя. Час гнался за ним, два, уже и конь притомился, ох, и здорово же на охоте! Батюшка брал меня с собой, правда, не на оленя, на зайцев.

Нельзя отвлекаться. Долго ли, коротко ли преследовал Фридрих фон Бюрен дивного зверя, про то мы не знаем, не ведаем, но вывел олень хозяина Эльзаса к горе Гогенштауфен (Высокий Штауфен), что в горном массиве Швабская Юра. Поднялся Фридрих на гору, обвел взором окрестности и понял, что это хорошо, и повелел воздвигнуть на этом месте крепость Высокий Штауфен, и приказал отныне величать себя господином фон Гогенштауфеном. И вознес молитву Всевышнему о возвышении своего рода отныне и до скончания времен.

Уехал из Эльзасского замка Фридрих фон Бюрен, а вернулся в него Фридрих фон Гогенштауфен. Так что челядь еще недели две разучивала новое имя своего господина. Основал первый человек Фридрих крепость и монастырь Лорхе, дабы стал он местом вечного упокоения его самого, и его потомков.

Когда же помер первый Гогенштауфен, отнесли его, по слову его, верные слуги в усыпальницу Лорхе, и там он тоже был первым. А сын Фридриха – тоже Фридрих², мы все Фридрихи, сделался наследником Швабии и Эльзаса. Этот Фридрих был моим дедушкой, официально его звали Фридрих I, не знаю, отчего так.

А потом началась война, люблю я про войну рассказы, вот и рог у меня есть маленький тру-ту-ту, и деревянные рыцари, что двигают руками и ногами. Одному надену на голову корону, накину на плечи алый плащ. Вот он уже и не рядовой, а молодой король Генрих IV³, который тру-ту-ту начал скликать окрестных герцогов да графов на подмогу. Фридрих – вот он в тонком венце и синем плаще присягнул его величеству. На колени воин Фридрих. Посвящаю тебя в рыцари. Когда же Генрих пришел к власти, сделал он своего друга Фридриха

¹ Фридрих фон Бюрен, его родовые владения находились в районе Рисгау.

² Фридрих I фон Штауфен (до 1050 г. – 4 июня 1105 г.) – герцог Швабии с 1079 г., старший сын графа Рисгау Фридриха фон Бюрена и Хильдегарды, дочери графа Гуго V фон Эгисхейм-Дашбурга, родоначальник династии Гогенштауфенов.

³ Генрих IV (11 ноября 1050 г., Гослар, Германия – 7 августа 1106 г., Льеж, Бельгия) – германский король, император Священной Римской империи, представитель Салической династии.

герцогом Швабии, отобрав владения у предателя Рудольфа Рейнфельденского⁴, и отдал ему в жены свою любимую дочь – принцессу Агнес⁵, а та подарила Гогенштауфену двоих прекрасных сыновей: Фридриха⁶, моего папу, и дядю Конрада⁷. Так второй фон Гогенштауфен выполнил завет отца и возвысил род свой.

Ох и озлобились же на удачливого Фридриха герцоги да бароны, не бывало, кричат, еще такого, чтобы безвестный графчик за одну короткую войну сделался и герцогом, и королевским зятем! Долой, говорят, выскочку. Злятся, зубами щелкают, лают, да куснуть не могут. Потому как кто же в открытую пойдет против королевского зятя?

Меж тем отправился его величество в Италию, с папой римским Григорием VII⁸ о делах толковать, а Фридрих с Агнес наместниками за него остались. Ох, и натерпелся же второй Гогенштауфен от своих недоброжелателей, которые то королю вести слали, облыжно утверждая, что мол, Высокий Штауфен измену затеял да трон захватил. То душегуба с кинжалом в покои запустят, то кашу страшным ядом отравят. Да от этого яда только собака, лизнувшая из господской тарелки, сдохла. И поделом, матушка ни за что не позволила бы блохастой суке жрать ее еду. Вот любимому коту – черному Сарацину – другое дело. Но это я отвлекся.

Фридрих же был молодец и герой: как перед отъездом приказал ему король (нет, надо все-таки писать «император»), покончить со сторонниками предателя Рудольфа Рейнфельденского, умиряя их огнем и мечом, так и бил он супостатов, поджидая своего господина. Был он в походе против Рейнфельденов, против Вельфов и даже против Церингенов. Когда же я пойду хоть в какой-нибудь поход?

Тан-дарадай, тан-дарадай,
Эй, веселее в ногу шагай!
Эй, собирайся на праведный бой,
Меч и копье неизменно с тобой.
Тан-дара-дай, тан-дарадай,
Нехристей крепко за яйца хватай!⁹

Долго ли, коротко ли отсутствовал государь, честный Фридрих сносил обиды от природных аристократов, вернулся Генрих и не с грозой во взоре, а с улыбкой на устах и раскрытыми объятиями. Всех клеветников покарал, ох и полетело же золотых да серебряных венцов! Один Гогенштауфен свою герцогскую корону и уберег.

А потом уже вместе с Генрихом участвовал Фридрих и в битве при Фларххейме, в которой императорская армия была разбита Рудольфом. Вместе они там кровь пролили, и в Эльзасе так же рядом были, в одном шатре спали, одну еду ели. В этой битве злейший их враг Рудольф потерял руку и на следующий день умер. Думали, войне конец. Заживем теперь припеваючи. Не тут-то было, за смерть отца явился мстить сын его, Бертольд I Рейнфельденский¹⁰, и зять, Бертольд II Церинген¹¹. Наследник Рудольфа провозгласил себя законным

⁴ Рудольф Швабский, граф Рейнфельденский (ок. 1025 г. – 16 октября 1080 г., Мерзебург) – антикороль Германии, противник Генриха IV и сторонник папы Григория VII в борьбе за инвеституру.

⁵ Агнесса (Агнес) Франконская (Салическая) (1072/1073 г. – 24 сентября 1143 г.), дочь Генриха IV и Берты Савойской; 1-й брак (1086/1087 г.) с герцогом Швабии Фридрихом I; 2-й брак (1106 г.) с маркграфом Австрии Леопольдом III.

⁶ Фридрих II Одноглазый (1090 г. – 6 апреля 1147 г., Альцай) – герцог Швабии с 1105 г. Старший сын Фридриха I и Агнессы Франконской.

⁷ Конрад III (1093 г., Бамберг, Германия – 15 февраля 1152 г., Бамберг, Германия) – первый король Германии (1138–1152) из династии Гогенштауфенов, герцог Франконии (1116–1138). Второй сын Фридриха I и Агнессы Франконской.

⁸ Григорий VII (в миру Гильдебранд; 1020/1025 г. – 25 мая 1085 г.) – папа римский с 22 апреля 1073 г. по 25 мая 1085 г.

⁹ Стихотворение Татьяны Громовой.

¹⁰ Бертольд I Рейнфельденский (ок. 1060 г. – 18 мая 1090 г.) – герцог Швабии с 1079 г., граф Рейнфельдена с 1080 г., сын германского антикороля Рудольфа Швабского и Матильды, дочери Генриха III, императора Священной Римской империи.

герцогом Швабии, что не понравилось честному Фридриху, и он пожаловался императору. А тот и без того был зол на Рейфельденского, так как стало известно, что выбрали супостаты нового антикороля – Германа Зальмского¹².

Сцепились сторонники короля и антикороля и ну резать друг дружку. Рубят, колют, из луков стреляют, а все обороть друг дружку не могут. Потому что силы равны. А потом пришел к Фридриху Швабскому на помощь его единоутробный брат Оттон по прозвищу Пройдоха¹³.

Благодаря хитроумному Оттону удалось добиться мира, разделив огромную Швабию на три части. Так из Брейзгао образовалось герцогство Церинген под эгидой Бертольда II Церингена, восточная часть отошла герцогу Баварии Вельфу IV¹⁴, Фридрих же остался в Швабии – но это была не прежняя Швабия, а всего лишь северная часть от того, что было.

А через шесть лет опять тру-ту-ту, то есть нормальный рог так не поет, но у меня ведь не рог, а так, свистулька. В общем, новая война, против императора Генриха вот ведь стыдоба, восстал его родной сынок и наследник, тоже Генрих¹⁵, видно, заждался, когда жестоковыйный отец уступит ему трон. Неблагодарный наследник. Вот я бы никогда не восстал на папу. Я люблю своего папу.

Разумеется, Фридрих тут же поддержал друга, послав ему письмо с утешениями. Старые слуги до сих пор поговаривает о том, как нелегко ему было решиться пойти против родного шурина, брата любимой жены. Долго горевал Фридрих, оплакивая свою долю, почитай целый год, пока не сошел от тяжких дум в холодную могилку, что в монастыре Лорхе, где уже основатель рода Фридрих и супруга его законная покоились. Сниму с него герцогскую корону и синим плащом закрою, будто он и вправду умер.

А еще через год не стало благородного короля Генриха IV, и на трон вступил Генрих V. И короля рядом положим. Корону – сыну, плащ – ему же. Надо будет, когда меня выпустят, изготовить ящичек и похоронить обоих славных рыцарей по всем правилам, с отходной мессой, молитвами, цветами. Ребята, что ко мне приставлены будут в восторге, только сначала нужно в войну поиграть, чтобы все как по писаному.

Так Швабия перешла от моего дедушки, герцога Фридриха I, под эгиду моего отца, Фридриха II. А корона Германии с головы Генриха IV увенчала Генриха V. И это было правильно.

Дабы не ссориться с новым королем, мать свою и нашу бабу Агнес Фридрих II сразу же после траура выдал замуж вторично – за маркграфа Австрии Леопольда III.

Интересно, позовут меня сегодня кушать, или решили весь день голодом морить? Ох, учительски это проделки не иначе, вот бы его кнутом выдрать, да по голой попе, вмиг бы позабыл, как законного наследника Швабии обеда лишать. Вот сейчас пропущу трапезу, зато дядька-пестун своего уж точно не упустит, не даст чаду на перинах-то пуховых поваляться, как пить дать потащит чучело, в кольчугу обряженное, колоть. Не спросит, сыт ли, голоден, его дело из меня отменного бойца сделать, а не на стол подавать.

Ладно, попробую дальше, авось с Божьей помощью и справлюсь, где у меня деревянный конь? Цок-цок, стучат копта – это Генрих V отправился за императорской короной в

¹¹ Бертольд II (ок. 1050 г. – 12 апреля 1111 г.) – герцог Швабии с 1092 г. по 1099 г., герцог Каринтии с 1092 г., герцог Церингена в 1100–1111 гг.

¹² Антикороль Германии – Герман граф Зальмский (1035–1088).

¹³ Оттон – сын Леопольда III Святого и Агнессы Салической (ум. в 1158 г.), епископ Фрейзинга (с 1138).

¹⁴ Вельф IV (1030/1040 г. – 9 ноября 1101 г.) – герцог Баварии (Вельф I) в 1070–1077 гг., 1096–1101 гг., сын маркграфа Альберто Аццо II д'Эсте и Кунигунды Альтдорфской, сестры герцога Каринтии Вельфа III. Родоначальник второго дома Вельфов.

¹⁵ Генрих V (11 августа 1081/1086 г. – 23 мая 1125 г., Утрехт) – король Германии в 1106–1125 гг., император Священной Римской империи в 1111–1125 гг., последний представитель Салической династии, сын Генриха IV и Берты Савойской.

Италию, потому что корону Империи может дать один только римский папа. А мой папа Фридрих и дядя Конрад остались наместниками в Германии, били всех, кто против законной власти поднимался, за что отца моего в Кёльне отлучили от церкви. Сначала отлучили, а потом, когда ветер поменялся, обратно возвели, потому как сильно мой папа нужный в Империи человек оказался.

Но это я сильно вперед забежал, в тридцатилетнем возрасте женился мой отец на маме Юдит¹⁶, дочери Генриха IX Чёрного¹⁷, герцога Баварии и Вульфхильды Саксонской¹⁸. Видел я бабушку Вульфхильду – волчью, а Чёрного дедушку, не видел. Спрашивал, отчего это он чёрный? Одни говорят, что де постригся он в монахи и оттого ходит в чёрном, а раньше его иначе дразнили, другие, что, мол, волосы у него чёрные, как у его мамы, Юдит Фландрской¹⁹, как у моей мамы Юдит. Оно и понятно, что когда вокруг все почитай светлые да рыжие, один чёрный – точно ворон в ячменном поле.

Ночью вышел по замку пройтись, все ли в порядке, поглядеть. Мне этого пока что не позволяют, мол, за порядком специальные слуги доглядывают, но хозяйский глаз ничто не заменит. Опять же – разведка. Ходил, бродил, щеколды, замки проверял. А когда мимо людской хотел прошмыгнуть, любопытный разговорчик услышал.

– Госпожа-то наша – чистая ведьма, прости господи, – хнычет ключница, – я ее, стерву толстую, по голосу сразу спознала.

– Твое ли это дело, безмозглая? – отвечает ей дядька. – Знай свои кладовки, дура, да помалкивай.

– Чего помалкивать-то, когда герцогиня Юдит – не просто женщина, она и мать ее суть одно и то же. Потому как знает о таких вещах, о таких людях судит, которые задолго до нее померли, но которых мать ее, тоже ведьма из ведьм и тоже Юдит чернокожая, знать могла. В роду их латинском так ведется, ведьма обязана на свет божий другую ведьму породить и именем своим назвать. Тогда душа ее после смерти в дочь перейдет и вечная Юдит по земле не прекратит шлындать.

– Во дура баба! Во испужала, – отвечает ей дядька Хротгар. – Да если бы было по слову твоему, нашу красотку Берточку, голубку ясноокою, звали бы Юдит, и была бы она ведьмой. Берта же – девочка светлая да богобоязненная. Никакая не ведьма. А станешь господскую доченьку ведьмой бранить, доложу господину, пусть он твой поганый язык железом выжжет – другим наука.

– Да в том-то и дело, что Берта не черной уродилась, не в мать, а в отца – рыженькая! В такую черной Юдит вовек не вселиться.

Дура баба. Действительно дура. Хотел я выйти из схорона, пальцем ей погрозить, да только как бы мне самому за ночные мои вылазки по одному месту не схлопотать. Дядька на руку тяжелый. Пока отец узнает, что я измену раскрыл, так задницу разукрасит.

Ладно, что дальше, женился мой отец, и через два года я на свет родился, в 1122-м от Рождества Христова, а на следующий год – сестра Берта. И никакая она не ведьма, сестра-то, неумеха только, кому такая в жены достанется?

Когда мне исполнилось три года, помер Генрих V и пошли князья нового короля избирать. Назвали двоих претендентов – папу и Лотаря Саксонского²⁰. Судили, рядили, выбрали

¹⁶ Юдит (ок. 1100 г. – 22 февраля 1130/1131 г.); дочь Генриха IX Чёрного и Вульфхильды Саксонской.

¹⁷ Генрих IX Чёрный (ок. 1074 г. – 13 декабря 1126 г.) – герцог Баварии с 1120 г., младший сын герцога Баварии Вельфа IV и Юдит Фландрской.

¹⁸ Вульфхильда Саксонская (ок. 1075 г. – 29 декабря 1126 г.), дочь герцога Саксонии Магнуса и Ульфхильды Норвежской.

¹⁹ Юдит Фландрская (ок. 1033 г. – март 1094 г.), дочь Бодуэна IV Бородатого, графа Фландрии, и Элеоноры Нормандской, вдова Тостига Годвинсона.

²⁰ Лотарь II (до 9 июня 1075 г. – 4 декабря 1137 г., Брейтенванг, Тироль, Австрия) – король Германии с 1125 г., император

Лотаря. Он наш враг и я писать о нем не буду. Папа вначале присягнул ему, и дядя Конрад присягнул, ибо не присягать – измена. А он тут же злом за добро отплатил, потребовал, чтобы мы Гогенштауфены отдали родовые владения Генриха V, отошедшие в приданое нашей бабке Агнес! Ну ничего себе аппетиты!

Папа сразу же восстал, и дядя восстал, и я бы восстал, если бы мне тогда сказали, что все восстают. Начали армию набирать, крепости укреплять. А тут и войско имперское сгрудилось у крепостных стен. Трубят в рога и трубы, кричат разные гадости, выманивают. В общем, война. Да только силен папа, селен дядя, и все мы не просто так над людьми поставлены, мы – высокие Штауфены, от вершины горы к небу тянемся. Год от года растем и крепнем. Так и воюем. А что делать?

На военных советах я по левую руку от отца восседаю. Скучно, конечно, то собаку под столом хлебом покормишь, то кота Сарацина погладишь, а за окном – птички ласточки. Папины сотники военную обстановку докладывают, гонцы прискакивают, скажут, что им велено, и ответа ждут. Я на папу смотрю, он кивнет с достоинством – и я кивну. Он нахмурится – и я брови сведу грозно. Он кулаком по столу грох! И я грох – больно!..

В прошлом годе другой дядя, герцог баварский Генрих Гордый²¹, в замок пожаловал. Письмо от Лотаря супостата привез, мол, разбит наш враг там-то и там-то, посему воевать далее остерегается, самому бы раны зализать. А просит папу и дядю в место условное приехать, на подписание мирного договора. В общем, на радостях все перепились в гогу-магогу, а потом ночью предатель баварский попытался пьяного папу из замка через ворота, никем не охраняемые, на своем жеребце вывезти. Плащ на него надел, капюшон длинный на голову – ни дать ни взять один из монахов монастыря Лорхе. В последний момент кто-то руку с перстнем герцогским заметил, тревогу забил. А то не было бы у меня сейчас папки. Да и всех нас, пожалуй, того. И маму, и сестренку... у вражина паскудная! А еще родный дядька – мамин брат!

Пленить не пленил, но папа после этого неудавшегося похищения окривел. А кому нужен одноглазый король? На одного претендента меньше.

Но папа не шибко расстроился, вместо себя дядю Конрада в короли-императоры предложил. А что? Тоже племянник короля, тоже сын принцессы. Вот его 18 декабря прошлого года швабские и франконские князья королем и избрали. Конрадом III. Дядя, понятное дело, принял избрание и был за это отлучен от церкви немецкими епископами, а потом и самим папой, тем не менее он уже короновался железной короной лангобардов. Так что теперь я тоже племянник короля! И я тоже претендент на престол.

Сейчас 1128 год, декабрь.

Священной Римской империи с 1133 г., герцог Саксонии с 1106 г., граф Супплинбурга, сын Гебхарда Супплинбургского, графа Кверфуртского и Гедвиги де Форбах.

²¹ Генрих Гордый (ок. 1108 г. – 20 октября 1139 г.) – герцог Баварии под именем Генрих X с 1126 г., герцог Саксонии под именем Генрих II с 1137 г., маркграф Тосканы с 1137 г., из рода Вельфов.

Глава 2. Наследник престола

Почему мою сестренку Бертой называли, а не Юдит, как говорила ключница? А все просто, моя прабабка – Берта Савойская, мама принцессы Агнес. А еще у папы старшая сестра была – тетя Бертрада²². И кузина моя – дочка дяди Конрада – Берта. Так что родное это имя, вполне Штауфеновское.

Давеча, когда я в своей горнице над летописью корпел, да обеда дожидался, дома великий переполох приключился. Едва я точку в своем труде поставил, как ключ в замке дверном повернулся, двери распахнулись и меня под белы ручки да к столу. Учителя нет, а для кого это я пыхтел, родственников пересчитывал? Для себя получается.

Папы нет, мамы нет, сестренка давно поела. Я один сам себе кум королю во всей трапезной за столом дубовым восседал, с челядью в королевский пир играл. Заячьи почки чуть ножом ковырнул, скривился, курицу запросил, потом грибов, медку сладкого, а что? Пока родителей нет, можно было бы и кубок винца яблочного сладкого, да только дядька потом меня на мечях в раз сделает. А мне оно надо?

Да, странное дело, не считал бы родственников: дедов, прадедов – поди и не прилетела бы назойливая мыслишка, что теперь мухой у носа вьется, то сядет, то взлетит. Жужжит муха, кусает муха-мысль: «А ведь я теперь претендент на трон. Не папа, я!»

Отобедал, теперь отлить да в доспех облачаться. Попробовал раз налегке, потом с неделю весь синий ходил, вперед наука. Дядька меня деревянным мечом да по незащищенным бокам так отделал... дня три я не то что сидеть не мог, с боку на бок со стоном поворачивался. Теперь на занятие только в броне.

Отхожее место в пристроечке всеми ветрами продувается, можно, конечно, было бы в горшок сходить, в тепле, так сказать, но мужчины не боятся трудностей, нужду справляют в холодном нужнике, что над рвом нависает. С той стороны, где нужник, ветром продуваемый, над пропастью торчит, всю зиму желтый снег. Мы там не играем. Сказать почему?

Обратно возвращаясь, хотел к матушке заглянуть, болеет, родимая, день-деньской сидит в светелке, ткать не ткет, вышивать не вышивает, думу думает или над свитками глаза портит. Хотел поговорить с ней, посоветоваться. Потому как не каждый же день человек узнает о себе, что он претендент на престол. То есть не то что узнает, наверное, еще, когда дядя Конрад на престол сел, кто-нибудь да говорил, что теперь я тоже вроде как на очереди. Потому что у дяди Конрада еще не родился мальчик, только две дочери. Я их знаю, много раз бывали у нас, только они уже взрослые и с ними неинтересно. Агнесса²³ – в этом году ездили к ней на свадьбу. Выдал дядя Конрад свою старшенькую за Изяслава II Мстиславича²⁴, великого князя Киевского. Такое не вдруг и произнесешь. И вторая, Берта, на выданье, помолвка уже состоялась, правда, это не помолвка, а сговор, жениха-то мы не видели, оттого и не кричали Герману III²⁵, маркграфу Бадена тили-тесто, и песен Берте-невесте никто еще не пел, но да от нее поди не уйдет. Так что, если двух зятьев-иноземцев не считать, после дяди Конрада я наследовать должен, если меня, конечно, князья выберут. Думаете, раньше я этого ни разу не слышал? Поди слышал, да только дошло-то до меня лишь теперь.

²² Бертрада (Берта); муж: Адальберт фон Эльхинген, граф фон Эльхинген и фон Ирренберг. Родители: Фридрих I фон Штауфен, Агнес фон Вайблинген.

²³ Агнесса (ум. в 1151 г.) – дочь Конрада III и Гертруды, дочери и наследницы Генриха графа Комбурга и Ротенбурга. Ок. 1130 г. стала женой Изяслава II Мстиславича, великого князя Киевского.

²⁴ Изяслав Мстиславич (в крещении – Пантелеймон) (ок. 1097 г. – 13 ноября 1154 г.) – второй сын Мстислава Владимировича Великого от первого брака с Христиной, дочерью шведского короля Инге I Старшего.

²⁵ Герман III Большой (ум. 16 января 1160 г.) – маркграф Вероны и Бадена из династии Церингенов. Сын Германа II и Юдит фон Гогенберг.

Подхожу к дверям и слышу, опять не слава богу, мама с папой то ли ругаются, то ли громко что-то обсуждают. И кричит мама. Не от боли кричит, от гнева.

– Да я знаю, Фридрих, что ты меня любишь и не на какую другую променять не согласишься, но разве ж я прошу променять? Нешто матушка моя тебя не наставляла, что коли не рожу я следующую Юдит, нить прервется? Но так теперь я тебе без всяких повитух скажу – не рожу уже больше! Пропаду! А ты – только трепаться о любви и горазд.

– Да что я могу, милая? Я-то что? – тихо оправдывается папа. – Я бы с радостью еще одну дочь от тебя принял, сто дочерей, но коли Бог не дает?

– Коли Бог не дает, самим взять придется. Что может быть проще, найди подходящую девушку, забеременеет она от тебя, родит черноволосую дочь, назовешь ее Юдит, и сила моя не пропадет.

– Не хочу другую! Ты моя жена! Чему ты меня учишь?!

– Я учу тебя, как род твой и дальше оберегать, больна я, лекари уже руки опускают. Сделай, как я тебя учу, пусть другая родит тебе маленькую Юдит – защитницу, хранительницу рода. Не страшно, что бастардка, а хочешь, когда девка отяжелеет, я подушку к животу привяжу? Все будут думать, что это наш ребенок.

– Бастардку в законные наследницы? А если мальчик? Нет!

– Сделай по-моему, заклинаю тебя. Ну, хоть даже и после моей смерти, как возьмешь за себя новую жену, и народится девочка с черными волосами, нареки ее в мою честь Юдит!

* * *

Станный разговор, странная мама. Что такое бастардка? Почему папа против, знает ведь, с мамой никто не спорит. Почему мама говорит, что не сможет больше родить? Двое детей – это же так мало. Вот у папы было десять сестер и два брата, правда, второй брат умер еще в младенчестве, но зато зятя живехоньки, они теперь вместе с дядей Конрадом правят. А рядом с моим тронном кто встанет? У мамы трое братьев и еще одного ее папа прижил от любовницы, и три сестры. Ее брат Генрих Гордый теперь наши крепости осаждает, тоже мне дядя!

И почему они все время говорят о какой-то девчонке? Разве девчонки управляют ленами?

* * *

Мне пока что лук не натянуть, дядька Хротгар обещал сделать маленький, но пока не сделал. Меч из дерева, но все равно тяжел, кабы можно было двумя руками, я бы враз управился, а одной... После тренировки все тело болит, а рука дрожит, пальцы стило не держат. Матушка говорит:

– Пожалел бы его, Хротгар, не видишь – хрупкого Фридрих телосложения, кость тонкая, что, коли переломится?

– А враг его тоже шадить станет?! – возмущается старый воин, потряхивая русыми с сединой косами. И тут же мне: – Матушка твоя, герцогиня наша, во всем права, но в военном деле ей разбираться не дано. Это я тебе как старый мечник говорю. Подумаешь, кость тонка! Что с того? Наручи надень, броню. А прежде всего научись правильному бою. Делай, что тебе говорят, со мной не пропадешь.

– А если на замок нападут? Если подкараулят? В покои ворвутся? Много я смогу своим деревянным-то мечом? – ною я. – Может, матушка права, подождать малость.

– Коли нападут внезапно, и деревянный сойдет бока намять. А нормальный меч, ну, возьми, коль желаешь из оружейной, никто не запрещает, да только...

Я и сам понимаю, не поднять мне нормального меча. Точнее не так – поднять-то подниму, а вот биться им...

– На рынке любой мальчишка ножом орудует, что взрослый. А у меня два ножа на поясе, а я ими разве что яблоки чищу.

– Ножи – это хорошо. Ну, давай на ножах. – Дядька отводит меня на поляну, где мы в хорошую погоду тренируемся. – Нападай.

А мне того и надо, хватать нож самый длинный, и, прямым коли.

Дядька ловко выгнулся, посторонился, так что я со всей дури лечу вперед, получив для верности еще и пинка под зад. Стыдно.

– Обидно? – ловит случайную мысль старый Хротгар. – Стыдно, господин Гогенштауфен, не зная, что таким вот рыцарским ударом ты рискуешь себе ладонь порезать, а то и без пальцев остаться. Да окажись на мне броня – ты же врежешься в нее, рука соскользнет. Это же не меч, где кисть защищена – у твоего ножа никакой перекладины защитной не предусмотрено. А с порезанной рукой что дальше делать станешь? Давай еще. Да не коли ты, дура! Объяснял уже. Не коли, а режь! Где у человека основные артерии, на прошлом занятии учили.

– Запястье! – Я наношу новый удар, снова получился колющий. Дядька разворачивается. – Поджилки! – Пытаюсь подрубить под колено, куда там! – Шея!

– Режь, не коли. Лучше много мелких порезов сделать. Иной бьется, уже весь изрезанный, кровь хлещет. В бою он, может, боли и не чувствует, а кровушка из него убывает, и сил все меньше. А попробуй клинком вниз, ага. Давай!

Я снова наступаю, Хротгар отступает, прыгает, уворачивается, смеется.

– Режь, говорю. Не бойся.

– Да ты бы хоть броню надел, – не выдерживаю я. – Что, коли действительно зацеплю?

– Не твоя забота. Может, у меня под сюрко тонкая броня, у иных косоглазых бывает, снимал. Пока сам в руках не поддержишь, ни за что не поверишь, что такая бывает. А про меня ты сейчас ничего не знаешь, как я одевался, не видел. Так что хочешь – на цветочках гадай, хочешь – ножичком чиркни мне по груди или животу, упрется в преграду, стало быть – защищен я. Не упрется – твое счастье. Режь!

Глава 3. Вихман²⁶ – дружба на века

Давно я не писал свою летопись, не до этого было, да и событий никаких, день за днем конные занятия, меч, метание ножа, копья, рукопашная.

А уж с уроками как насели, языки изучай я, потому как будущий правитель должен знать латинский – чтобы разговаривать с другими господами, указы писать, на письма отвечать, и немецкий, чтобы на челядинцев орать. Предков изучай я, гербы считывай – опять же я... А дядька еще требует, чтобы любой след в лесу, точно строчку на пергаменте, разобрать мог. С Берты ничего не спрашивают, сидит себе ягодки в меду лопают, пирогами сладкими заедает да жениха поджидает. Какого, я вас спрашиваю, жениха, когда ей всего-то семь лет отроду? Регулов еще минимум пять лет ждать. У, девки!

Зато мама опять в тягости, в замке только и разговоров о будущей сестренке. Догадывается, как собираются назвать? Как маму, Юдит.

Лотарь захватил нашу крепость Шпайер и теперь осаждает Нюрнберг. Дядя же Конрад вместо того, чтобы защищать свои земли, отправился в Рим, где в крепости Ангела пытается договориться об императорской короне с неуступчивым папой. Лучше бы он моему папке помогал.

Поехали с батей в один монастырь, с настоятелем о делах потолковать. Монастырь большой, богатый, я первым делом побежал на скотину посмотреть, хороша скотина у святых отцов. А папин оруженосец меня за руку возвратил. Не время. С настоятелем не виделись, занят он чем-то был, нас в церковь повели помолиться. Только служба закончилась, папа меня в келью гостевую отвел, чтобы я, значит, с дороги отдохнул. Только уснул, крики да шум. Посмотрел в окошечко, а монастырь-то наш окружили.

Тан-дара-дай, тан-дара-дай,
Эй, веселее в ногу шагай!

Я меч схватил, бегу, а куда бежать – не знаю, неродной замок, запутался. Кругом дядьки в длинных одеждах бегают, камни на стену в корзины тащат, суетятся. А ступеньки на стене без перил: глянул вниз – поплохело. Они же носятся туда обратно, кто-то даже кувырком, я едва к стене прижаться успел, не то точно с ног бы сбил, окаянный. Стена зубцами, монахи в узкие щели из луков стреляют, а кто-то через стену целые корзины камней сыплет. Я к стене грудью прижался, на цыпочки приподнялся, все равно ничего не увидел, хоть за табуреткой беги. Папин оруженосец Улов меня хватил за плечо, а сказать ничего не успел: глядь – а у него из горла вроде как красненькое охвостие торчит. Вытянулся весь, захрипел, рукой безвольной попытался стрелу выдернуть, да и сам во двор грохнулся. Я на корточки опустился. И так не виден из-за зубцов, в меня бы не попали, а я еще меньше, на четвереньки и по собачьи по ступенькам, мимо ног, мимо мертвых дядек с остекленевшими глазами, мимо самой смерти. Очнулся – кругом бочки да корзины с разной снедью и мальчишка незнакомый младше меня.

– Кто таков? – шепчу.

– Вихман, ваша милость, – пищит он в ответ. Вот мы с ним между этих самых корзин и притаились. Страшно.

Я после боя, когда наши воины трупы из доспехов выковыривали, папке все по-честному про стену рассказал, и как его оруженосец из-за меня погиб, а он все выслушал и ни

²⁶ Вихман (Викманн) фон Зееберг стал епископом Наумбургским в 1149 г., архиепископ Магдебургский с 1152 г. по 1192 г.

слова мне не сказал. Уж лучше бы выпорол. Ведь это я виноват, что Улова застрелили, ведь это из-за меня!!! Ни слова худого не сказал, а за спиной моей Вихман сопли рукавом размазывает. Папа и его погладил, к сердцу прижал, к нам в замок забрал.

Кареглазый он, лохматый, маленький. Зато любой текст, что мне учителя-монахи задают, даже очень сложный, с двух прочтений наизусть знает. Умный, умнее меня, слабенький только. Я рукав на его сюрко задрал, мышцу пощупал, как взрослый, языком поцокнул. «Тонкая кость, ну это надо, очень тонкая кость». Вихмана это очень впечатлило. А я поклялся, что всегда буду его защищать, потому что он меньше и слабее. Мы с Вихманом друзья навек.

* * *

Почти год не писал, мамы больше нет. Нет и черноволосой сестренки, она так и не родилась, не вылезла на свет белый поглядеть, сколько ее ни просили. На отпевании мы с Бертой стояли рядом, а мама была очень красивая и печальная. А папа все плакал и говорил, что-де выполнит мамин наказ и возьмет нам откуда-то новую Юдит. Только я ему сказал, что мне другой сестры не надо и мамы другой не надо. Потому что я свою маму люблю. Но кто меня спрашивает? Мамина сестра София зачем-то разорвала мамины любимые четки и бусины бросила в гроб. Берта хотела забрать четки, уж больно они ей нравились, но папа сказал, что так надо.

После похорон отец меня к себе увел, у окошечка посадил, сладкого вина в кубок плеснул. Я думал, о маме разговор заведет, и заранее начал крепиться, слезы сдерживать. А он вдруг велел какого-то господина фон Зееберга пригласить. Входит такой кособокий, а на месте правой руки пустой рукав за пояс заложен, а левой моего Вихмана за руку держит. Слезы сами собой высохли. По какому это праву?!

Оказалось, дядя его в замок прибыл. Про семью да родителей отец еще год назад выяснил и весточку им отправил – мол, у меня чадо ваше, жив, здоров, чего и вам желает. Да только не приехал тогда никто, война, они и Вихмана в монастыре спрятать пытались. Он там грядки пропалывал, за скотиной ходил, с утра до вечера трудился, питаюсь овощами да пустой похлебкой, а ночью спал прямо на полу, свив себе соломенное гнездышко. Словно и не рыцарского он рода, а крестьянский сын.

В общем, только теперь, отправляясь в Высокий Штауфен по каким-то своим делам, его дядя и вспомнил, что племян где-то там проживает. Заехал. В общем, картина такая: дружок мой – третий сын в семье и ни титула, ни земли наследовать не может и, как войдет в подходящий возраст, духовный путь изберет. Впрочем, семья не возражает, если я его до срока у себя подержу.

– Так что делать-то станем? Вернем парня в семью или у себя оставим? Твоя находка, тебе и решать, – грустно улыбается отец. Я глянул на Вихмана, и такая меня тут горечь взяла, единственный, можно сказать, друг! И он тоже ревмя ревет, расставаться не хочет. Дома-то его и отец поколачивал, и мачеха подзатыльниками угощала, не жадничала, и братья старшие со света сжить пытались. Он мне рассказывал. Глянул я на пришлого, что за Вихманом моим пожаловал, да и изрек:

– Племянник ваш, Вихман фон Зееберг, в Высоком Штауфене мне и роду моему служит верой и правдой. Нет более завидной доли в нашем герцогстве. Посему повелеваю все как есть оставить, пусть учится вместе со мной, покуда время ему не пришло свою дорогу выбирать.

Папка мною тогда очень гордился. А Вихмановский дядюшка качнулся и за стену единственной рукой схватился, чтобы не упасть. Видать, сразили его слова мои. После чего я

позволил Вихману попрощаться с родственником, а отец остался формальности улаживать. Как потом выяснилось, договорились, что мы обязались за свой счет отправить его учиться.

* * *

Лотарь уже прикарманил себе, считай что, весь Эльзас, скоро последние крепости возьмут штурмом, и тогда уже всех либо переколотят, либо выгонят под зад коленом. А дядя Конрад все кружит по Италии, все обивает порог апостольского престола, да только шиш ему, а не папская помощь. Чужие мы там. Оба короля Генриха, как два турнирных копья, обломились об этот Рим, а толку-то? Папы меняются, а нас, германцев, все одно ненавидят. Надо будет запомнить на будущее: от папства одни несчастья.

Неудачно для нас начался 1131 год от Рождества Христова.

Глава 4. Новая Юдит

Снова я сделал большой перерыв, даже страшно продолжать. На дворе 1134 год, мне двенадцать лет, сестре, стало быть, одиннадцать. Что сказать, мы пока что живы, и благодаря гениальным способностям моего отца вести переговоры, возможно, проживем еще какое-то время. Но по порядку. Лотарь и наш клятый дядюшка Генрих Гордый развернули свои войска двумя фронтами и в две руки разом вдарили по крепости Ульм. Бац! И нет нашего Ульма, нет его ратуши, нет ярмарки, и подарков мы к Рождеству, похоже, тоже не получим! Богатые дома разграблены, гарнизон развешен по стенам, часть города пожгли и тут же своих ставленников посадили из тех, кому запах падали особенно приятен. Собственно, город бы очистили дочиста, а потом еще и сожгли и стены разрушили, если бы не мой папа, который в октябре, помолившись и попрощавшись с нами, поехал на сейм, где пал на колени перед Лотарем и вымолил у него прощение взамен на клятву верности. Прощение и для себя, и для Ульма, да и вообще для всех. А в обмен ему вернули его владения и титулы. Знать, не зря колени трудил. А вслед за папой и дядя Конрад покори́лся, собственноручно сняв с головы железный венец и отдав его супостату. Это папа его так подучил. Сначала я на него сильно за это осерчал, даже думал восстать, но дядька Хротгар меня вовремя удержал, де «отец твой хоть и одноглазый, а зрит получше некоторых. Попомни мои слова». Я и вспомнил, когда война закончилась, и можно было уже за городские стены без опаски выплядывать. А дядя Конрад не в остроге, а снова при власти. Лотарь его чтит, чуть что – советуется, обещал после своей смерти венец возвратить. Завещать в смысле. Чудеса.

Но это еще не все, дядя Конрад и папа вдруг решили, что хватит ходить вдовцами, и невест себе подыскали, ибо негоже знатым господам неженатыми небо копит. Кроме того, дядя Конрад мечтает сыном обзавестись, а папа все о дочке черноволосой грезит. В общем, папа заслал сватов к дочери Фридриха I, графа Саарбрюккена, Агнесе²⁷, быстро согласие получил, и теперь новая герцогиня в маминых покоях обосновалась, вместе с оравой подружек, что с собой из родного графства привезла, за братом моим новорожденным, Конрадом, ухаживают. А дядя к Гертруде, дочери Беренгара II, графа Зульцбаха, чья сестра, между прочим, вышла замуж за императора Византии Мануила I Комнина²⁸, посватался, и тоже дело на лад идет.

Только папа мрачен, Агнеса эта его – девчонка чуть меня старше, приехала скромница такая, а как зачала да пузо заметным сделалось, возгордилась, нос задрала. Теперь, как супругу сына подарила, и вовсе фыр-фыр, распушится, все бусы, что в шкатулке лежат, на себя напялит, дура, и ходит по замку, хвастается. Только папа не весел, это дядя Конрад мальчика хотел, а ему дочку подавай. И чтобы черноволоса была. Одна радость – кривляка Агнес, герцогиня Швабская, темнокошая, авось родит кого велено.

* * *

Папа страдал до тех пор, пока в горнице Агнесы плач младенца не послышался и повитуха не сообщила, что у него дочь. Меня, БERTУ и папу впустили в комнату роженицы первыми, а еще раньше, перед нами, Сарацин зашел, черный мамин кот. Не иначе под ногами неслышно прошмыгнул, а то откуда ему там взяться? Деловито воздух понюхал, прыг на кровать, где Агнеса с дитем под чистым уже одеялом. Подлез к младенчику, лапами ее обнял.

²⁷ Агнеса (Агнесс), дочь Фридриха I, графа Саарбрюккена. Жена Фридриха II (ок. 1135 г., ум. после 1147 г.).

²⁸ Мануил I Комнин (28 ноября 1118 г. – 24 сентября 1180 г.) – византийский император.

Заурчал даже. Признал, стало быть. Девочку тут же окрестили Юдит²⁹ и папа устроил праздник, на котором он и дядя обнимались, распевая друг другу здравицы.

Показав гостям уставшую, но довольную собой Агнесу, молодец все-таки девчонка, и маленькую Юдит, папа подмигнул мне, мол, золотой век не за горой. А дядя толкнул локтем свою разлюбленную толстуху жену: видала, как надо, сначала сын, через год дочь? В тот же день папа сделал меня герцогом, и я для начала присягнул в верности ему. Сначала ему, а потом уже королю, успеется.

* * *

Прошло еще два года, умер старик Лотарь и новым королем Германии избрали дядю Конрада, а я снова сделался королевским племянником, претендентом на престол и был посвящен в рыцари. Правда, у дяди уже свой наследник родился, сподобилась его благоверная, подарила мужу к коронации карапуза Генриха, но да ведь тому еще вырасти нужно. Когда пришла весть о кончине его величества, отец спешно вызвал к себе дядю Конрада, и вместе они, запершись в папиной светелке, долго о чем-то совещались. А потом папа вдруг ни с того ни с сего собрался с небольшой свитой, человек сто – не больше, к архиепископу Трирскому³⁰ в гости. Мол, тот его давно звал на охоту. Я к нему – охота это хорошо. Мол, обещал! А он на меня так странно поглядел и трофей посулил привезти. Какой?

В последний момент, когда подъемный мост опустился и прозвучал приказ по коням, папа вдруг обнял меня, и крепко прижав к себе, шепнул в самое ухо. За зверем – удачей! Что за зверь такой? Должно быть редкий, раз за ним в самый Трир ездить нужно.

* * *

Мой папа теперь правая рука короля, а пока папа гоняется за мятежными Вельфами – родственниками моей мамы, все хозяйство на мне. Пятнадцать лет, вырос уже в бирюльки-то играть. Нужно дело делать. Я бы, конечно, лучше с папой, но герцогство на кого оставить, на трехлетнего Конрада? На двухлетнюю Юдит? Не смешите.

²⁹ Юдит (ок. 1135 г. – 7 июля 1191 г.), замужем с 1150 г. за Людвигом II Железным, ландграфом Тюрингии (1140–1172).

³⁰ Альберо (Альберт) фон Монтрель, архиепископ Трира (19 апреля 1131 г. – 18 января 1152 г.).

Глава 5. Сказ Маттиаса Лотарингского³¹

Берта выходит замуж и скоро уедет от нас, ревет теперь целыми днями, сбылась мечта дуры. Впрочем, жених у нее хоть куда – Маттиас I, герцог Лотарингии, всего на год меня старше! Нормальный парень. Мы с ним, едва приехал, сразу же на мечях сразились, потом мало показалось, турнирные копья преломили, целыми днями, пока он у нас гостил с родственниками и свитой, охотились да наперегонки по полям да горным дорожкам скакали. Ума не приложу, когда он с невестой своей объяснялся, все время занят был. Но да намилюются еще.

Разрывая зубами чуть поджаренное мясо, как это и принято на охоте, мы – это я, Вихман и Маттиас, болтали о том о сем. Но однажды Маттиас заговорил не об оружии, не об охоте и даже не о том, как мы с ним весело будем навещать друг друга в гости, закатывая славные пиры и устраивая рыцарские турниры. Он заговорил о моей младшей сестре Юдит, да с такой тоской, что я поперхнулся, и не поднеси мне оруженосец Отто Виттельсбах³² бурдюк с вином, пожалуй, и задохнулся бы.

– Как же жаль, что мне придется жениться на Берте, а не на Юдит! – с сожалением в голосе признался он.

– На ком?! – вытаращился я. – Юдит же от горшка два вершка! Когда у нее регулы пойдут, мы с тобой, поди, уже старыми будем. Не будь дураком – бери Берту!

– То-то и оно, – опечалился Маттиас. – Но, право слово, я бы подождал.

– Да что тебе в ней? Красотка, конечно, куколка, косы голову назад оттягивают, нянька волосы ей расчесывает, вся дворня приходит любоваться, черный поток до пят. Где еще в наших краях отыщется такая? Но да она же еще дитя, другое дело – Берта!

– Берта, безусловно, очень хороша, к тому же она ее дочь... но...

А потом он поведал дивную историю о Юдит. Вот она: жил был старый Вельф³³ из Альтдорфа. Вельфы – древнейший в королевстве род, породниться с которым незазорно королю или даже императору. Собственно, король Генрих IV и его сын Генрих V были из рода Вельфов. Жил древний Вельф в замке у Боденского озера, управляя Южной Швабией и Баварией, и была у него красавица-дочь – чернокошая, черноокая Юдит³⁴. Души в ней не чаял старый Вельф и, вопреки общему правилу, дал дочке образование, какого не всякий царевич-королевич в то время обрести мог. Много всего знала Юдит черноокая, тонкостанная: и как животных лечить, мор отводить и как эпидемии останавливать, знала, как яд составить и по знакам небесным победу или поражение предречь, оттого глупые люди называли Юдит ведьмой.

Многие сватались к прекрасной Юдит, а она словно ждала кого-то, отца успокаивала, мол, как появится суженый, знай, не пропустим. Чужого не возьмем, но и своего не отдадим. И точно, посватался к Юдит сын Карла Великого³⁵, император Людовик Благочестивый³⁶.

³¹ Матье (Маттиас) I Добродушный (ок. 1119 г. – 13 мая 1176 г.) – герцог Лотарингии из Эльзасской династии (1139–1176), старший сын и наследник Симона I, герцога Лотарингии, и Адели, дочери Генриха III, графа Лувена.

³² Оттон I Рыжий (ок. 1117 г. – 11 июля 1183 г.) – пфальцграф Баварии (Оттон V) в 1156–1180 гг., герцог Баварии с 1180 г., старший сын пфальцграфа Оттона IV фон Виттельсбаха и Эйлики фон Петтендорф.

³³ Вельф I (778 г. – 3 сентября 825 г.) – граф в Аргенгау, сеньор Альтдорфа и Равенсбурга, родоначальник династии Старших Вельфов.

³⁴ Юдифь (Юдит) Баварская (ок. 805 г. – 19 апреля 843 г.) – дочь Вельфа I, графа нескольких мелких владений в Баварии и Хальвиды Саксонской, вторая жена императора Франкского государства Людовика I Благочестивого.

³⁵ Карл I Великий (2 апреля 742/747 г. или 748 г. – 28 января 814 г., Ахенский дворец) – король франков с 768 г. (в южной части с 771 г.), король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 года, император Запада с 800 г. Старший сын Пипина Короткого и Бертрады Лаонской. По имени Карла династия Пипинидов получила название Каролингов. Прозвище «Великий» Карл получил еще при жизни.

Быстро свадьбу сыграли, и Юдит так очаровала императора, что изменил он для нее порядок престолонаследования среди своих сыновей от первого брака, предопределив тем самым раздел Каролингской империи.

Шло время, и род Вельфов пресёкся по мужской линии, осталась лишь Кунигунда, что вышла замуж за итальянца Аццо, герцога Эсте. От этого брака у них родился сын, который пожелал, чтобы его называли не Аццо, а Вельфом. Явился он к королю Генриху IV и присягнул ему, попросив вернуть земли предков взамен почти всех своих владений в Италии. Так появился Вельф IV, а потом он женился на Юдит Фландрской и у них родились старший сын Вельф и младший, которого потом прозвали Генрихом Черным, так как был он, как и все итальянцы, смугл и черноволос. Он женился, и вскоре у него родилась дочь, темноволосая и прекрасная Юдит, которая вышла замуж за Фридриха II, молодого герцога Швабии – моего отца.

Вот так я услышал о своей матери и пробабке, кстати, мама действительно была книголюбой, и ее называли колдуньей. Должно быть, скоро отец призовет учителей и для малышки Юдит. Как знать...

Забавно, а я чуть было не показал будущему родственнику свою летопись, вот бы смеху было! В отличие от меня Маттиас слушал не только сказки и рассуждал совсем как дядя Конрад и папа. К примеру, он объяснил мне на пальцах, отчего избрали старпера Лотаря вместо моего папы, которого прочил на престол сам император. Я думал, может, порчу кто навел, с каких это пор старого и немощного больше ценят, нежели молодого и здорового? А ларчик-то просто открывался, проще некуда. Генрих V действительно хотел видеть на троне отца, он даже отписал ему наследственные владения Салического дома – исконные королевские владения, но не успел передать главного – королевских инсигний, знаков монаршей власти!

Теперь о политике – король и отец короля находились в непрекращающейся грызне с понтификом, а Лотарь был законченным папистом. Его причастность к данной партии и принесла большинство голосов плюс благословение престола святого Петра.

Какой же дурак станет благословлять того, кто все время наступает ему на больные мозоли?!

Лотарь, конечно, тоже не подарок, стар, не сегодня завтра помрет, но выбор был невелик: либо он, либо мятежный Фридрих.

А как оттеснили братьев Гогенштауфенов от трона, тут же решили и добить. Возглавил заговор архиепископ Майнцский³⁷, который раздобыл королевские инсигнии у вдовствующей королевы Матильды³⁸ и передал их Лотарю. После чего все претенденты были приглашены на выборы.

Голоса разделились поровну, и только наш дедушка по матери, Генрих Черный, думал да выгадывал, на чью сторону перейти: с одной стороны – муж его дочери, Фридрих, на другой – Лотарь, пообещавший его сыну, Генриху Гордому, руку своей единственной дочери, Гертруды, и титул герцога Саксонии. Генрих Черный избрал Лотаря, отец оказался в меньшинстве и был вынужден присягать.

Теперь о тех самых королевских землях, которые поначалу я по незнанию посчитал законным приданым принцессы Агнес. На самом деле это был лен, который на смертном одре государь передал своему наследнику. Если бы успел положить в те же руки и регалии власти – отец стал бы королем. Потом по справедливости наследные земли следовало отдать,

³⁶ Людовик I Благочестивый (апрель/сентябрь 778 г. – 20 июня 840 г.) – король Аквитании (781–814), король франков и император Запада (814–840) из династии Каролингов.

³⁷ Адальберт I фон Саарбрюкен, архиепископ Майнца (1111 г. – 23 июня 1137 г.).

³⁸ Матильда, или Мод (1102 г. – 10 сентября 1167 г.), – королева Англии в 1141 г., дочь и наследница короля Генриха I.

так как королем стал Лотарь – его инсигнии, его и земля. Ох, твердолобый я твердолобый, сколько дома говорили про салическое наследство – без толку, может, со временем ворота вражеских крепостей моим лбом можно будет пробивать. Хоть какая-то польза.

Мы же вцепились в эти самые земли, да еще и войну себе заработали на годы. Глупо. Будь я взрослым – так бы не поступил.

Ага. Теперь, по крайней мере, ясно, отчего Черный дедушка нас с папой невзлюбил. Не в любви дело, он сына своего должен был пристроить, вот и пристроил.

А Маттиас продолжает, соловьем разливаясь, он и про дядю по маминой линии, Генриха Гордого, оказывается, знает. Что же, послушаем, а наперед запомним, что мало того, что в собственном лагере говорят, хороший правитель обязан со всех сторон сведения собирать и только после этого выводы делать.

Молча выслушал, и трижды прав был. Генрих Гордый – мамин брат, после смерти своего отца, будучи герцогом Саксонии, сделался еще и герцогом Баварии. А в ленном праве что написано? Не бывать двух ленов в одних руках!

Лотарь на это безобразие бы сквозь перста глядел, что же до дяди Конрада, то он уж припомнил бы прежние обиды, как пить дать, оттяпал бы одно из герцогств. Вопрос, какой смысл Генриху Черному голосовать за Конрада? Вот он и присягнул Лотарю, который к тому времени из королей уже выбился в императоры.

Теперь, почему отец, в конце концов, сдался на милость императора? А вы повоюйте десять лет – поймете. Позарез нужна была передышка, он же всего лишь извинения принес, а земли не потерял ни пяди, да еще и брата обещал на путь истинный вывести. Про дядю Конрада Маттиас, правда, так и не понял, думал, мой батя как глаз утратил, отошел от большой политики и дальше занимался лишь укреплением своего герцогства. Ну, пусть так и думает, разлюбезный. Я-то знаю, на всех советах мой папашка – первый голос, а дядя ему лишь вторит да подпевает.

Первым папа выбрал себе Агнес, но не за черные волосы, как шептались на кухне, не за то, что она чем-то напоминала маму, а исключительно из-за того, что отошедшие ей в приданое земли Саарланда были как бы связующим звеном между Эльзасом и Швабией.

В результате получилось огромное герцогство, и тут батя снова проявил недюжий ум, но это я и без Маттиаса знаю. Он посадил управлять своими владениями не родственников, как это было принято, а наемных чиновников, которые трудились за жалованье, и не имели возможности вдруг отделиться от герцогства, признав подвластные им земли своими. Надо будет записать себе – за наемными чиновниками будущее, только эти чиновники должны быть специально выучены, потому как можно родиться герцогом, можно принцем и при этом не иметь ни малейшего представления, как вести дела, командовать армией, хранить съестные припасы, вершить суд. Да мало ли что еще.

Так отец укреплял территорию, а Лотарь старел и выживал из ума, не зная уже как бы лучше услужить папе римскому.

Как-то раз случился презабавный случай, избрали к разу двух пап и народ не ведал, какому подчиняться. Архиепископ Майнцский решил сместить обоих и посадить собственного ставленника. Поняв, в чьих руках сила, император безропотно подчинился архиепископу, а потом в Люттихе, куда этот самый новый папа добрался, спасаясь от преследования сторонников своих конкурентов, Лотарь смиренно поддерживал стремя его святейшества и потом на глазах у всего честного люда молча шел у стремени. Попутался, должно быть, на старости-то лет, такое смирение в пору выказывать в Риме, а Люттих – испокон немецкий город. К тому же император был болен и лекари не велели ему подниматься с постели.

Ну, прогулялся с папой, не умер. Ему бы теперь залечь на пуховые перины, закрыться по самый нос мягкой шкурой и... какое там, поперся провожать его святейшество до Рима, как будто бы больше некому было оберегать столь высокопоставленную особу.

Уехал старый, болезненный император и дальше выказывать послушание и показное смирение, и вдруг, точно по мановению волшебной палочки, все епископские кафедры в Германии заняли сторонники папы, причем из тех, что демонстративно не признавали себя ленниками короны.

Покинул Лотарь Германию, а назад не вернулся, помер в Тироле, передав на смертном одре королевские инсигнии своему зятю, Генриху Гордому. На том бы и сказке конец, а кто слушал – молодец. Да только тут история словно заикаться начала. Сколько-то лет назад, будучи наследником престола, мой папа получил от своего короля наследные королевские владения, ожидая скорой передачи и символов власти и, должно быть, мысленно примеряя корону Германии. Чем кончилось дело, мы помним. Теперь в точно такой же ситуации оказался Генрих Гордый. Уверен, вероломный дядюшка уже и тронные речи разучивал, уже и...

Моего папу оттолкнули от власти, потому что он был слишком сильным и влиятельным. Теперь то же самое предъявляли дяде Генриху. Два герцогства, земли в Таскано... сколько можно?

В общем, решили выбрать кого-нибудь менее влиятельного, вроде покойника Лотаря, который всю жизнь только и делал, что цепляться за папский престол, безоговорочно выполняя любой, даже самый дурацкий, приказ его святейшества. Вот тогда-то мой папа неожиданно для всех с малым отрядом покинул родную Швабию и устремился в город Трир, в гости к тамошнему архиепископу Альберту, который-де его давно уже приглашал. А дальше как по писаному, отец предложил в кандидаты на престол своего брата – дядю Конрада. Какое у дяди влияние? Какие земли? Богатства?

Начнется война? Так она все равно не по этому, так по другому поводу начнется. Нового короля поддержит его старший брат, а папа римский, если понадобится, наложит интердикт на непокорных, потому как он – Конрад свою неправоту осознал и готов верой и правдой служить престолу Святого Петра.

Перед выборами, дядя Конрад спешно подтвердил свою приверженность папе и согласился со всеми условиями, которые ему выдвинули, после чего состоялись выборы, на которые не пригласили только князей Баварии и Саксонии. Все присутствующие отдали свои голоса за Конрада Швабского. Коронация прошла в Аахене, против всяких правил церемонию проводил папский легат. В общем, если говорить начистоту, ерунда это была, а не выборы. Обычный захват власти. Но тут мой папа уже не желал уступать. Уж слишком все оказалось похоже!

У нового короля не было только королевских инсигний, но да Генриху со временем все равно пришлось их отдать.

* * *

Не понимаю я дядю Конрада, ну владеет дядя Генрих двумя герцогствами вместо одного, так приказывай, заклинай, ведь не уступит ни города. Будь я королем, я бы, вразрез с ленным правом, ему это дело позволил и право наследования за его сыном закрепил. О том я честно признался Маттиасу, и он, подумав, рассудил, что такого доброго короля, пожалуй, после двух-трех подобных приказов найдут с перерезанным горлом. Но я все равно при своем мнении остался. Потому как это ему, Маттиасу Лотарингскому, легко судить, ему что Штауфены, что Вельфы, а мне какого, если я наполовину Штауфен и на другую Вельф? Конрад мне дядя, но и Генрих Гордый – дядя. Порваться мне на две части, что ли?

Уехал Маттиас, увез сестренку Берту, обещался приезжать. Хороший парень этот Маттиас, глаза мне раскрыл. Вперед буду более внимателен, а то что же это получается? Человеку скоро шестнадцать, а он простых вещей в толк взять не может.

Глава 6. Краеугольный камень

Отец мой тоже считает, что лучше бы дядя Конрад не трогал дядю Генриха, потому как силен Вельф, а еще одна война нам без надобности. О том они и тайно лаялись, и прилюдно шипели друг на друга. Дядя хоть и в короне, а по любому поводу в Высокий Штауфен гонцов засылает, а то и сам навещается. У него в замке свои покои, места для слуг и воинов и для лошадей в стойле. А тут вдруг без спросу ополчился на Вельфа. Папа узнал, только и мог, что в бороду себе вцепиться. Сначала ругался заковыристо, я, признаться, таких слов прежде даже на конюшне не слыхивал. А потом тайный совет в трапезной собрал. Я тогда с дочкой сокольничего, Марией, в кладовке кухонной миловался, а когда всех из кухни погнали, нас не заметили, мы же, как поняли что к чему, не сговаривались, подползли к трапезной со стороны кухни, откуда обычно блюда к столу подавали. Я даже слышал, как папа сказал: «Что угодно, хоть с кашей его съем, а войны не допущу».

– Кого он собрался с кашей-то есть? – удивилась подружка, обхватывая мою шею ручками, делая вид, будто бы собирается придушить.

– Кого надо, того и съест, у тебя не спросит, – ответил я.

В тот же вечер отец покинул замок, оставив его на меня. Понятно, не один уехал, со своим оруженосцем Гансом, старым сотником и еще несколькими воинами, которых я не знаю, может, с гостями пожаловали, может, папа их по какой-то своей надобности в Высокий Штауфен вызвал. Теперь, как Вихман в монастырь отбыл, и посоветоваться толком не с кем. В общем, уехали, недели три отсутствовали, а потом прискакали с неожиданной вестью: во цвете лет от неизвестной болезни помер наш общий враг и мой дядя, Генрих Гордый. Сколько ему было в то время – тридцать один. Я дядю Вельфа не знал, но все одно жалко. Мамин брат, понимать нужно. У него сын остался – мой двоюродный брат, Генрихом Львом³⁹ зовут, на семь лет меня младше, стало быть, ему уже десять, могли бы подружиться. По словам Отто – отменный рубака и задира, каких мало. И не только он о Генрихе хорошо отзывался, Маттиас недавно навещался, от Берты подарок – плащ, золотом расшитый, отцу, а мне и Конраду по поясу красивому – привез, так он, Маттиас, с ним вроде как подружился. На каком-то празднике встретились случайно. Маттиас так и говорит, тебе бы с ним сойтись, все-таки двоюродные братья, союз нужно заключать, а не число врагов увеличивать. К чему Лотарингскому врать?

Я дядиной смертью опечалился, ведь я наполовину Вельф, и папа понял, руку мне на плечо положил, сказал, что все правильно, что в любом случае мы должны людьми оставаться. А дядя все в уши зудит, мол, выгони из себя Вельфа – ты Штауфен, наследник славного рода. Прими решение и изгони.

Когда-то мой отец отправлялся сватать маму, как Маттиас приезжал к нам за Бертой. Возможно, папа и Генрих Гордый даже подружались тогда, мечтали друг к другу в гости ездить, пиры, турниры устраивать. Как мы с Маттиасом.

– Ты, Фридрих, – краеугольный камень. Так планировалось, ты и Вельф, и Штауфен – твое предназначение на этом свете – остановить войну между нашими родами, – вздыхает отец. Камень, отторгнутый строителями при возведении храма, ты должен был встать во главу угла, соединив две стены, должен был занять престол и разделить власть между Вельфами и Штаунами. Это я во всем виноват! Но, верь мне, я все и почию.

³⁹ Генрих Лев (1129 г. – 6 августа 1195 г.) – монарх из династии Вельфов, герцог Саксонии в 1142–1180 гг. (под именем Генриха III) и Баварии в 1156–1180 гг. (под именем Генриха XII). Сын герцога Саксонского и Баварского Генриха Гордого и Гертруды Супплинбургской, дочери императора Лотаря II.

Когда ты родился – был пир на весь мир, не потому что наследник, что мальчик, потому что родился человек, который прекратит вражду и примирит противоречия. Вельфы – королевская кровь, Штауфены – молодые выдвиженцы: за нами сила, за ними традиция. Вельф Генрих Черный привез из Италии Юдит, мама твоя была из Вельфов.

Прости меня, сын. За своего дядю за Генриха Гордого прости, не мог я иначе...

– За что прости?

Глава 7. Конрад и политика

Час от часу не легче, дядя Конрад пошел против отца, на этот раз пожаловав Саксонию, прежде принадлежащую дяде Генриху, своему другу, Альбрехту Медведю⁴⁰ из рода Асканиев. Народ немедленно восстал. Видел я этого Медведя, не удивляюсь. Единого часа не стал бы терпеть эту сволочь. Отца чуть удар не хватил, а дядя уже стучится в ворота Высокого Штауфена: «Спасите, помогите, убивают!» А кто виноват? Генрих Лев со стороны матери внук Лотаря саксонца, стало быть, его это, наследство. И кто отнимет – тот вор! Ох, и здорово же, что лорхские монахи меня с малолетства приучали все рода до одного человека знать. Пригодилось.

Мы как раз в ту пору хотели мессу стоять за новорожденного сына Берты и Маттиаса, Симона⁴¹, но тут не до празднования. Пришлось отцу в Саксонию гонца снаряжать, дабы бунт остановить, меж тем сели вместе братья Штауфены за стол да и составили грамоту, согласно которой Саксония Генриху Льву принадлежит, и никаких медведей. Уж как дядя папу благодарил за это. Совсем уж лишней была бы теперь эта война. Во всем впредь обещал его слушаться, на том и простились.

Добрался Конрад до своего замка и с порога новую глупость учудил – наследный лен Вельфов Баварию передал своему сводному брату, маркграфу Австрийскому Леопольду IV Бабенбергу⁴², но тот вдруг непонятно от чего помер, не исключено, что от радости, так как дело произошло на королевском пиру, куда по такому случаю съехалась вся знать. Только я, разумеется, не поехал. Потому как в отсутствие отца кто-то должен за леном приглядывать. Пришлось дяде Конраду Баварию другому сводному брату – Генриху II Бабенбергу, по прозвищу Язомирготт⁴³, пожаловать. Только тот пировать с королем и приближенными не стал, на траур ссылаясь, и сразу же уехал.

Здесь я, пожалуй, должен немного пояснить относительно этих сводных братьев. А то непонятно будет. Они оба – тоже мои дяди, так как принцесса Агнес, когда ее выдали во второй раз замуж за маркграфа Австрийского Леопольда III Бабенберга, родила еще двенадцать детей. Язомирготт «Ja so mir Gott helfe!», то есть «Да поможет мне Бог!» – о чем бы ни говорил, хоть о трапезе, хоть об отхожих местах, через слово «Да поможет мне Бог!» – забавный такой дяденька старше меня на десять лет.

И еще этому Язомирготту дядя Конрад пожаловал вдову дяди Генриха в жены. А что? Дочь короля Лотаря III, от нее и дети пойдут королевских кровей. Так что все правильно. Только братика моего двоюродного жалко, Генриха Льва, стало быть, сначала батюшка помер, а потом и матушку отправили в дальние страны новое семейное гнездышко вить. Хорошо хоть бабка у него осталась – вдовствующая императрица Рихенза⁴⁴. Она тут же

⁴⁰ Альбрехт I Бранденбургский (также Альбрехт Медведь (ок. 1100 г. – 18 ноября 1170 г., предположительно Штендаль) – граф из рода Асканиев, основатель Бранденбургской марки и первый маркграф Бранденбурга. Альбрехт внес значительный вклад в колонизацию восточных земель. При Альбрехте Бранденбургская марка вошла в состав Священной Римской империи.

⁴¹ Симон II (ок. 1140 г. – 1 апреля 1206 г.) – герцог Лотарингии с 1176 г., старший сын Матве I, герцога Лотарингии, и Берты, дочери Фридриха II, герцога Швабии.

⁴² Леопольд IV (ок. 1108 – 18 октября 1141 г.) – маркграф Австрии с 1136 г. и герцог Баварии с 1139 года из династии Бабенбергов.

⁴³ Генрих II Язомирготт (1107 – 13 января 1177 г.) – маркграф Австрии в 1141–1156 гг., герцог Австрии с 1156 г., пфальцграф Рейнский под именем Генрих IV в 1140–1141 гг., герцог Баварии под именем Генрих XI в 1141–1156 гг. из династии Бабенбергов, сын Леопольда III Святого и дочери императора Генриха IV Агнессы.

⁴⁴ Рихенза Нортхеймская (ок. 1087/1089 – 10 июня 1141 г.) – графиня Нортхейма с 1116 г., графиня Брауншвейга с 1117 г., герцогиня Саксонии в 1106–1137 гг., королева Германии в 1125–1137 гг., императрица Священной Римской империи в 1133–1137 гг., жена императора Лотаря II Супплинбургского, старшая дочь графа Нортхейма Генриха Толстого и Гертруды

назначила себя единственным опекуном внука и заправляет теперь богатой Саксонией. Что же до спорной Баварии, здесь на место почившего Генриха Гордого заступил его младший брат, граф Вельф VI, и плевать он хотел и на короля и на Язомирготта.

* * *

Два года длилась междоусобная война между Вельфами и Штаунами, пока дядя наконец не сообразил собрать во Франкфурте-на-Майне рейхстаг, на котором окончательно отдал Генриху Льву герцогство Саксонию, взамен тот подтвердил свой отказ от Баварии. Разумеется, договоренности были достигнуты заранее, рейхстаг – не место для торговли. Несколько месяцев стороны обменивались послами, после чего была осуществлена мена.

И что же, Генрих Лев был официально признан герцогом Саксонии, а его дядюшка Вельф VI высказался против и продолжил опустылившую всем войну. А чего не продолжать-то, если смуту финансирует король Сицилии Рожер II?⁴⁵

Им ведь, итальяшкам, прямая выгода, пока в Германии смута, Конрад с гарантией заперт в своих стенах и своих проблемах и не суется в их земли. Зато они лезут похуже саранчи. Отец, к примеру, рассказывал о том, как, когда я был маленьким, к нам в Швабию пару раз заезжали папские легаты. Теперь такое чувство, что они поселились у нас, корни пустили, ездят из города в город, собирают богатые дары и время от времени возвращаются в Италию, припрятать награбленное.

И такую вольницу взяли, не подступишься! За всем следят, во все дела вникают, и если вдруг император выдвинул человека, неудобного папе, тут же ябеда в Рим, и ставленника снимают. Доверенное лицо папы – аббат монастыря Святого Стабло в Люттихе, некто Вибальд⁴⁶, создал обширную сеть поставщиков всевозможной информации. Причем на него работают не только монахи разных монастырей, он лично знает и умеет настроить на нужный ему лад многих влиятельных вельмож. А ведь это подстрекание к измене!

Несомненно, во всем виновато изначально неправильное отношение моего дяди к императорской власти. Господи! Прости меня за то, что я дурно отзываюсь о его величестве, но нельзя же так!

Нет, будь я король, будь я император, я бы первым делом отменил давно устаревшее ленное право – тоже мне мера высшей справедливости – один лен в одни руки! А как же династические браки? Если императорский ленник женится на девушке, приданым которой является лен, отчего же он не может присоединить его к своему, не будучи при этом осужден законниками? И как объяснить рожденному в таком браке ребенку, что ему не достанется оба лена?

Отец говорит, что сначала государь действительно жаловал богатый лен своему верному стороннику, но когда тот умирал, лен возвращался в собственность короля, так что он мог снова подарить его кому-то. Но лет сто назад тогдашний монарх вдруг додумался разделить большой лен на кусочки, после чего роздал их своим приближенным с тем условием, что эти самые кусочки можно будет со временем передавать наследникам. В результате у нас действуют оба закона, а точнее, ни один в полную силу.

Брауншвейгской.

⁴⁵ Рожер II (22 декабря 1095 г. – 26 февраля 1154 г., Палермо) – основатель и первый король (с 1130 г.) Сицилийского королевства из династии Отвилей, граф Сицилии (с 1105 г.), герцог Апулии (с 1127 г.).

⁴⁶ Вибальд, аббат Стабло и Мальмеди (с 1130 г.), Корвея (1146–1158).

Глава 8. Жена

Я пьян. Несильно, просто туман в голове. Я никогда прежде не напивался, даже ради интереса. Не люблю, когда дурно соображаю, кроме того, всегда страшусь ляпнуть лишнее по пьяному делу. Отец выбрал мне невесту, дочь Дипольда III, маркграфа Фобурга Адельгейд⁴⁷. Моя ровесница, не красавица, но и не урод. Богата, как Крез, мы тоже небедные, но деньги всегда нужны, да и земли... не знаю, получится ли нам когда-нибудь стать близкими людьми? Не уверен. В церкви честно отстоял и все, что от меня требовалось, выполнил. Хотя и без желания. Адельгейд тоже не выказывает особого рвения сделаться моей супругой. Я спрашивал, в чем дело? А она в глаза не глядит, отворачивается. Мол, дорогой укачало да растрясло. Какая уж тут свадьба? Но да, дело сделано. Священник назвал нас мужем и женой, теперь высидеть до конца пира и исполнить свой долг. Как не хочется-то!

У Адельгейд рожа зеленая с дороги, глаза красные от слез, плохо ей. А тут еще Манфред на радостях с дружиною песню похабную затянул:

Совершим благое дело:
Сарацинских трахнем девок,
Чтобы добрых христиан
Наплодить для ихних стран!⁴⁸

...И ведь ничего не отложишь, не повредишь. Одно счастье, столы накрывают на лужайке, так что авось отойдет бедненькая.

– Чего надо?

А, это меня на свадебный пир зовут, мол, все за столами, только жениха и не хватает. Не пьется им без меня! Невеста зажалась, спрашивает, где благоверного черти носят, не сгинул ли, не провалился в отхожем месте?

Не сгинул, не провалился, сейчас будет. Адельгейд теперь следует супругой именовать. Да все, иду уже! Не дадут человеку покоя. Иж как жонглеры неистовствуют, музыканты струны рвут, в бубны бьют, словно у них личная радость! Словно один из них с вольной жизнью расстается. С вольной жизнью? А, шиш вам, пустобрехи! Я герцог – моя воля. Не стану подле женской юбки сидеть, а лучше сделаю Адельгейд ребеночка, будет ей с кем нянчиться. Да иду уже, сколько можно. Стоп!

Кто это в синем сюрко с золотым воротом и золотом на подоле – приметном таком, бывшим моим? Кто как не мой дружок-закадыка, достославный Отто Виттельсбах, которого я специально к сватам в компанию пропихнул, чтобы он нормально с невестой переговорил? Он по девкам великий ходок – ученый-переученый, хоть риторикой в жизни не занимался и, кажись, неграмотный. Девкам на грамотность плевать, им лишь бы крокус торчал. Крокусы – это такие цветы, их на клумбах выращивают для красоты и аромата. Но еще это тайный знак, так сказать, сообщение о намерениях. Хочешь девицу из дома выманить да на сеновал или в луга-поля зазвать, непременно к одежде крокус приколи. Не ошибешься. Наш Оттон – верзила лохматый, косая сажень в плечах, диво-дивное, что дареная одежда на нем не рвется, хотя это на мне она мешком висела, на нем же точно влитая. Как на свидание собирается, непременно свежий крокус у цветочницы, что у ратуши торгует, покупает.

⁴⁷ Адельгейд, дочь Дипольда III, маркграфа Фобурга, родилась в 1122 г. 1-я жена Фридриха I Барбароссы (с 1147 г.), брак аннулирован в марте 1153 г.

⁴⁸ Из стихотворения Татьяны Громовой.

«Какой крокус? Тебе, молодцу, кипарис больше бы пошел», – смеется, показывая редкие черные зубы, дядька Хротгар. Помню, видал я этот самый кипарис в книге о разных растениях. Кипарис в Риме произрастает, в Турции, в Святой земле, еще где-то там. Я его сразу приметил – пирамидка на стройной ножке, ни дать ни взять гриб навозник. Но кой с чем, безусловно, сходство имеет.

– Ну, здравствуй друг прекрасный! Можешь не кланяться, лучше рядом иди, поговорим по дороге. Как ты меня, негодяй, описал благородной маркграфине? Что она от меня, точно черт от ладана, шарахается?

– Да все как есть сказал, в мельчайших подробностях. – Отто прикладывает руку к сердцу, глаза удивленные, скорее всего не врет.

– Так ли оно? Приврал небось сверх меры, а теперь она по твоей милости разочарована. Нарисовал меня писаным красавцем, а я, что я... рыжий, росточка не богатырского. Признавайся, гнида? Наплел, чего не велено было?

– Да чтоб мне провалиться, Фридрих! Вот те крест! – Виттельсбах размашисто перекрестился. – Что сказал? Ну, дословно: Фридриху двадцать пять лет, волосы имеет огненно-рыжие, но не отпускает их, как придворные модники, а стрижет скромно, до плеч. Бородку носит коротенькую. Что еще? Про глаза твои сказал – что большие они и голубые, точно на иконе, и кожа белая да такая прозрачная, что кое-где вены просвечивают. Рука маленькая...

– Стоп! Где это у меня вены просвечивают?

– На висках. Вот тут. Нешто сам ни разу не видел? Да хоть на руки свои посмотри – вот они, вены, сквозь кожу отлично видны. И рука у тебя маленькая, сказал, что роста ты невеликого, но всяко выше ее милости будешь. Все как есть описал. Хотя до сих пор не понимаю, зачем я ездил? Все ведь и так решено было.

– Вестимо, решено, – мрачней я. – Но и ты мог бы как-то...

Чаша для омовения рук, полотенце с вышивками, новое. В руках у дочки сокольничего дрожит чаша, того и гляди перевернется, и глазки ясные на мокром месте. Люба ты мне, краса девица Мария, и я тебе, полагаю, люб, да только неужто, дура, рассчитывала, что я ее замуж возьму? Поглядел ласково, лицо в вышитое шелками полотенце окунул. Ничего говорить не стал. Сама должна понимать, кто есть я и кто она. И вместе с Оттоном Виттельсбахом к праздничному столу побрел. В спину долгий, призывный взгляд, нешто думает, что развернусь сейчас, жену свою законную брошу, с ней останусь?! Да такого даже в сказках не встретишь.

Да уж, беда с этими бабами, думал, можно будет хотя бы иногда видаться, ан не получится. Боялся, кто-нибудь из прислуги Адельгейд о зазнобе моей расскажет, так Марию прятать придется. Теперь ясней ясного, сама себя выдаст. Так что ничего не поделаешь, придется любушку-голубушку замуж выдавать да на дальнюю сторонушку. На совсем дальнюю, чтобы обратно не прибежала. Я теперь человек женатый, о жене, о нерожденных, незачатых пока детях думать обязан.

Сваты подхватили под белы рученьки, к столу ведут.

– Эй, Отто, не отставай. Рядом сядешь.

Жена, что сова – нахохлилась, выпучила голубые глазищи, злая, уставшая. Двухцветное парчовое платье желто-фиолетовое с узором из золота и серебра, поди и шлейф присутствует. Это не венчальное платье, под венцом она в чем-то зеленом стояла. Точно, зеленый камлот с длинным до земли золотым поясом. Вспомнил. Хорошо. Женщины любят, когда мужчины их разглядывают, оттого деталей лучше не упускать. Будет о чем наедине поговорить.

Под платьем... Вот иную красотку встретишь, заметишь и потом все время думаешь, что у нее под платьем, о тонком шенсе – нижнем платье, иногда из-под подола можно углядеть краешек и дорисовать картинку. Нижнее платье цветное, яркое. А когда снимешь его

с прекрасной дамы, под ним белоснежный шемиз, ангельское облачение. Можно и дальше загадать, какая у нее талия, какая грудь. Посмотрел на жену. Совсем не тянет угадывать.

Столы от яств ломаются, блюд с жареным, пареным, вареным несчетно, пироги многослойные, яблочки в меду, а посреди поляны винный фонтан!

А народ-то радуется! Певцы друг с другом в искусстве трубадурском соревнуются, плясуны каблуки на туфлях сбивают, гости в здравицах изощряются да бросают собакам хлебные куски, вымоченные в сале или соусе мясном. Хорошо, что на вольном воздухе, такая прорва народа, поди ж ты, разнесла бы весь замок! Вот уже ссора на дальнем конце стола вспыхнула. Если драчунов прямо сейчас по углам не растащат да водицей ключевой не обольют, могут и не на жизнь – на смерть схватиться. И это за столом новобрачных, где армия отборнейших слуг дежурит, а что же говорить о других столах? А ведь еще в городе для народа выкатили угощения: бочки, бочонки, ушаты с вином да столы с закусками. К гадалке не ходи, завтра повсюду будет пьянь безъязыкая валяться.

Из вежливости попытался с супругой своей, Богом данной, Оттоном привезенной, о платье ее венчальном поговорить, похвалил вкус ее и красоту неземную. Кивнула, сухо поблагодарила, затихла. Ох, и нелегко мне с ней будет. Одно счастье, что жене положено дома сидеть да мужа ждать. А с моими обязанностями герцогскими докучать ей я стану нечасто.

– Честно скажи, друг подколотый, добрый Виттельсбах, силком мою благоверную замуж выдавали? Не хотела она? Слезы лила? Приневолили?

– Да разное было, – уклоняется он. – Все ведь одно, ничего бы не изменили.

– Докладывай, гнида!

– Ну, говорили, будто бы сердечный друг у нее в Фобурге имелся, будто бы даже бежать с ним пыталась. Кто таков? Про то не выяснил. Кто-то из придворных, полагаю. Узнаю.

– Понятно. – Вот и сказано главное. Произнесено. И как же это несправедливо выходит, Адельгейд со своим милым другом рассталась, и мне любушку-голубушку замуж выдавать придется. Для чего?

Ну все, вроде как в опочивальню провожают, специальную песню завели. А молодая-то и не ела ни крошки! Я со своим запоздалым расследованием о жене-то по-настоящему и не подумал. Исправляюсь.

– Эй, кто там, а ну, зайчиком сюда! Курицу в платок заверни и буженины пару кусков, свинины столько же собрать и в узел мне с собой завернуть. И вина еще захвати. Какого? Под мясо кислого, понятно, но... – посмотрел на Адельгейд, ну и бревно же я тупое! Конечно же, сладкого, самосского, что специально напротив новобрачной поставили. – И второй узелок сладостей собери на столе, какие остались. Какая девушка не любит сладкого! А ну, одна нога здесь, другая там. Отто, как хочешь имя вызнай. Завтра на доклад.

Глава 9. Святой Бернар

Долго не решался сесть за свою «летопись», да и не летопись это получается, а не знаю как правильно назвать. Не то чтобы времени не было, скорее стыдно. Дал я себя обмануть и невольно сделался предателем. Правда, другие так не считают, но главное, что сам думаешь.

А дело было так, до смерти надоел дядюшка Конрад, венценосный наш сюзерен. Трусостью своей надоел, бездумным преклонением перед папским престолом, мальчиком себя на побегушках у его святейшества пред всем миром выставил, никакого достоинства. Император называется, в Италии, почитай, совсем не был, сицилийцев да ломбардцев распустил дальше некуда. Озлился я, в общем, на него. К чему держать собственное войско, столько ртов кормить, если к делу их не приспособишь? Да и супружница моя надоела похуже сырости и сквозняков. Что ни сделаю – все ей, ведьме, против шерсти. А тут вдруг весть, откуда ни возмись, прилетела, разноцветным лучом веселым через витражные стекла. Дядюшка мой по матери, Вельф VI⁴⁹, пошел против Конрада и меня зовет. Мол, скинем, племянничек, немощного правителя, собственные законы издадим, по рыцарскому уставу заживем. Я в неделю собрался – и во главе швабского войска...

Поначалу все очень даже хорошо получилось, дядя в мою честь пир устроил, подарков надарил. День, другой, третий пили да гуляли, в золотом шатре спали, девок сиястых прямо в лагерь табуном, вина семь сортов, яств любых... не война – праздник.

В разгар веселья додумался я дружка своего неразлучника, Отто Виттельсбаха, послать переговорить с офицерами, что тут да как. Никогда прежде не слыхивал, будто бы дядя мой настолько богат, нешто он из ложного гостеприимства все свое добро на ветер решил пустить, пылью золотой в глаза дунуть.

Разузнал все Отто, разведаль. В шатер мой прибегает, сам красный весь, дерганый.

– Беда, – говорит, – измена. Выяснил, откуда ветер дует – золотой песок приносит.

– Докладывай. – Я тут же на постели сел, девица, что меня в ту ночь согревала-баюкала, сообразила, кувшин вина поднесла. Хотя даже не подумала срам прикрыть. Оттон на бесстыжую зырк – и очи долу. Службу свою знает.

– Деньги Вельфу сицилийский король поставляет, чтобы, значит, шумел он тут, императора нашего доставал, чтобы Конрад вечно в Германии беспорядки улаживал и в Италию нос сунуть не смел.

Вот я и попал как кур в ощи! И главное, всегда знал про Сицилию, но чтобы Вельф!.. С одной стороны, король, который поперек папе Евгению III⁵⁰ слово сказать не может, с другой – дядя-предатель. Дядя-предатель? А я чем лучше?

Тем не менее можно заговор раскрыть, а как ты незаметно со всем своим войском из лагеря выберешься? Сам с усам улепетнешь, а безвинных воинов на смерть лютую бросишь? На счастье, через несколько дней налетели на наш лагерь императорские войска и разгромили дядю. Вот тогда-то я и вышел без оружия, пал на колени перед королем, повинился за себя и за каждого, кто был со мной. Нет, сначала за них, потому как солдаты не виноваты, их куда поведешь, туда и пойдут. Служба.

⁴⁹ Вельф VI (16 декабря 1114 г. или 15 декабря 1116 г. – 14 или 15 декабря 1191 г.) – маркграф Тосканы в 1152–1160 гг. и 1167–1173 гг., герцог Сполето в 1152–1162 гг. Третий сын Генриха IX Чёрного из династии Вельфов и Вульфхильды – дочери Магнуса Биллунга.

⁵⁰ Евгений III (в миру – Бернардо Паганелли (? – 8 июля 1153 г.) – папа римский с 15 февраля 1145 г. по 8 июля 1153 г., первый из цистерцианцев на папском престоле, ученик Бернарда Клервоского, блаженный римско-католической церкви.

Никого Конрад не казнил, и мы все как один человек перешли под его крыло. Когда же всех простили, я попросил его величество позволить мне присоединиться к крестовому походу, о котором проповедовал святой человек по имени Бернар, аббат из Клерво⁵¹.

Полагаю, что дядя с радостью послал бы меня в земли неверных вместо себя, но тут вмешалась высокая политика. Кто позволит герцогу возглавить крестовый поход, когда на эту же роль претендует ни много ни мало король Франции? Тут и семи пядей во лбу не надо, чтобы сообразить, не пойдет король за герцогом, так что, ежели уж поход затевать, то, по уму, сам император и должен его вести. Он же никак не мог помириться с восставшими Вельфами, которые, разбившись на несколько отрядов, продолжали наносить удары в самых неожиданных местах. Узнав о готовящемся походе, мой отец твердо сказал – нет. И за себя, и за меня.

– Не участвуем, – отрезал император.

– Не участвуем, – подтвердили мы с отцом.

– Позвольте мне, по крайней мере, произнести проповедь в пользу крестового похода перед собравшимися участниками рейхстага, – попросил Бернар, опираясь на выдававший виды дорожный посох. Глядя на его тщедушную фигуру и трясущуюся от старости голову, император не счел нужным отказать.

Рейхстаг состоялся в 1146 году в Шпейерском соборе, где на Светлый праздник Рождества досточтимый аббат предстал перед собравшимися. На этот раз я был не просто среди приглашенных, а сидел подле моего отца в первом ряду. Не без удивления разглядывая плюгавенькую фигурку аббата.

«Как добрался сюда этот старец?» – подумал я, когда он забирался на кафедру, трясясь всем телом и тяжело опираясь на руку молодого монаха. Но вот Бернар поднял воспаленные слезящиеся глаза на ожидающий его проповеди зал, набрал в легкие воздух, и... голос Бернара сразу же занял весь собор, словно говорил не крошечный старикашка, а сказочный богатырь. Сердце не успело ударить и двадцати раз, как святой старец захватил зал, так что все мы уже кивали на его слова, топали ногами или вскакивали со своих мест, подтверждая его правоту или возмущаясь вместе со святым Бернаром бездействием цвета нашего рыцарства. К концу речи многие бились в истерику, вопили, рыдали, разрывая на себе одежду и требуя, чтобы аббат из Клерво дал им крест. А потом вдруг кто-то запел:

Тан-дарадай, тан-дарадай,
В зад сарацинам, друг, наподдай.

И вот уже князья орут, стуча по полу собственными креслами в такт песне:

Чтоб удирали от нас со всех ног
Да вспоминали железный пинок!

Тан-дарадай, тан-дарадай, – стучат кресла по мрамору, бьют тяжелые сапоги, выступившая знакомый ритм.

Громче да горше, неверный, рыдай!

⁵¹ Бернард Клервоский (фр. – Bernard de Clairvaux, лат. – Bernardus abbas Clarae Vallis; 1091 г., Фонтен-ле-Дижон, Бургундия – 20 или 21 августа 1153 г., Клерво) – французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель, цистерцианский монах, аббат монастыря Клерво (с 1117 г.). Канонизирован в 1174 г.; в 1830 г. внесен в число Учителей Церкви.

Задние ряды теснили передние, на которых сидел король и его приближенные, – те, кто отказались услышать зов Спасителя. Не знаю как другим, а мне казалось, что подо мной горит пол собора, еще немного, и либо людская толпа хлынет на нас верхом, либо пол проломится, и мы окажемся в самом аду.

Положение спас император, который вдруг вскочил с места и, схватив за спинку кресло, со всей силы долбанул им о мозаичный пол, перекрикивая оратора и беснующуюся толпу:

– Ныне я познал Божью милость. Я хочу служить ему, когда бы он ни позвал меня!

В соборе немедленно восстановилась тишина. Со своих мест поднялись мой отец, я, Вельфы, Церингены, Бабенберги, дальше по рядам, дальше, в тот день все мы приняли крест. После чего Бернар, упав на колени, возвестил, что первое чудо крестового похода свершилось.

Глава 10. Роковая встреча

Ну вот, покричали, пошумели, выпили за это дело. А потом принялись думу думать. И было о чем, первыми, после того как герольды объявили о сборе войск, принять крест явилось такое отребье, с которым не то что в Святую землю, в одном лагере находиться не по нутру, потому как либо кошелек уведут, либо горло перережут, либо... а, и первых двух аргументов довольно.

Нет, если ехать громить неверных, то с профессиональными воинами. Таковые, причем в большом количестве, были у Генриха Льва, хотели уже к нему гонца слать, да он сам пожаловал. И не просто так, а с претензией, мол, в незапамятные времена матушка его по дурости от Баварии отказалась, так он с решением дорогой, любимой родительницы не согласен и за свое костью ляжет. Отсюда делай вывод: пока вся верхушка знати в Святую землю за подвигами отправится, Генрих Лев не только Баварию – престол захватит. Положеньеице: с одной стороны, раз слово дали, ехать нужно, с другой – к чему вернешься?

Начался торг не на жизнь, а на смерть. С нашей стороны – отец как наиболее опытный политик, с их – юный Генрих Лев, он же мой злосчастный кузен. А пока судили да рядили, в марте 1147 года дядя Конрад назначил своего десятилетнего сына Генриха Беренгара⁵² соправителем, после чего короновал его по всем правилам в Аахене.

По дороге на коронацию юного Генриха, с которым, несмотря на разницу в возрасте, мы очень сдружились, произошел случай, коему поначалу я, признаться, не придавал значения, но который, как выяснилось, имел судьбоносное значение и для меня, и для всей Империи.

Так получилось, что, инспектируя швабские города на предмет их готовности оказывать содействие крестовому походу, я не счел необходимым заезжать в Высокий Штауфен, дабы переменить платье для коронации. Посчитав, что чем попусту самому таскаться туда-обратно, проще послать за необходимым Отто Виттельсбаха. В письме я подробно объяснил, что мне следует выслать. Ну, разумеется, не только мне, а всей моей свите. Кто станет грабить слуг господина на земле господина, если к тому же они защищены не только фамильными гербами, но и отлично вооруженной охраной во главе с таким бугаем и задирой, как мой Отто?

Я же спокойно продолжал нести свою привычную службу, лично заезжая в города, старейшины которых месяцами не могут отправить письма-отчеты, что так нужны отцу.

Да не мучайтесь, родные, верю, что писари никуда не годятся, им бы только пергамент портить, купцы пройдошливы – так где же честных взять? Да и как писать, если хмель глаза застит, руки трясутся и ноги не ходят? Вопрос, зачем тебе ноги в таком деле, уважаемый?! Или афедрон на кресло, больше похожее на королевский трон, уж не помещается? Что ты сесть на него не можешь, дабы нормальное послание надиктовать? Ладно, сам разберусь. Негордый. И что ты меня олениной, зайчатиной в трапезную заманиваешь, нешто я жрать приехал? Показывай свои бумаги! Ага, вот и пергамент, который твой писарь перед обедом оставил, не дописав самую малость, со слоем двухнедельной пыли, ага, не иначе как колдовские чары. Ясно. Ну, давай считать, сколько ты молодцев мне в полной экипировке поставить намерен? Как «нет подходящих»? Свою стражу отдай, а сам по деревням новых набери, чай есть кому их обучить как меч, копье держать. А нет, так у соседей одолжи. Да хоть роди с полным воинским снаряжением – и чтоб на конях!

Вот так, из города в город, лично хожу по складам, припас подсчитываю, с людьми малозначительными разговоры разговариваю. С кладовщиками, кухонными мужиками,

⁵² Генрих Беренгар, или Генрих VI (ум. в 1150 г.), старший законный сын императора Конрада III и Гертруды Зульцбахской. Представитель династии Гогенштауфенов. Соправитель короля Германии с 30 марта 1147 г.

ключницами, пажами, егерями да простыми пахорями. Хороший хозяин все про все в своих владениях знать должен, отец подробных отчетов ждет.

А я парадной одежды дождался, прислала мне благоверная по моей просьбе плащ шелковый синий со звездами, сюрко голубое с тонкой вышивкой, ну и все прочее, что я ей в письме указал. Представляю, как расфыркалась, когда честный Оттон вещи сгрёб, а ее на коронацию от моего имени не пригласил.

До Аахена оставалось не более дня пути. Так что мы решили, что переоденемся уже ближе к городу, дыбы не приехать в запыленной одежде.

* * *

Как обычно, я замечтался, а может быть, даже уснул, мирно покачиваясь в седле, когда вдруг до нас донеслись бряцанье оружия и крики. Мы пришпорили лошадей и вскоре действительно узрели картину побоища. Невысокая карета была опрокинута и валялась на боку. Стоя на ней, коротенький бородач в дорогом плаще, явно так же, как и мы, ехал на коронацию, яростно отбивался сразу двумя окровавленными мечами. Несколько трупов в одинаковой одежде – воины охраны, несколько в лохмотьях – разбойники. У кареты, рядом с трупом истыканного стрелами коня, всегда мне жалко животных больше, чем людей, лежал кучер, из рассеченного живота которого вываливались кишки. Высокий усач в залитой кровью броне крутил над головой длинный меч, двое молодых воинов отбивались у кареты, прикрывая спину своего господина.

– А вот и мы! – На счастье, ни я, ни мои орлы не успели надеть праздничную одежду, зато броня всегда на нас. Ну, как говорил мой дядька Хротгар, главное – убить главаря, сам по себе сброд – ничто без командования. Где же он?

Мой копьеносец Манфред⁵³, обогнав всех, в герцогских конюшнях плохих лошадей не держат, у него же и вовсе арабских кровей, снес башку первому подвернувшемуся под руку живопыре. Поделом. Зато разбойники тут же развернулись на нас. Надо было спокойно, чинно расстрелять башибузуков с безопасного расстояния – и не так хлопотно, и менее опасно. Ну, пошли доспехи портить.

Пррр, спокойно, Ветерок, мы еще навоюемся. Теперь смотреть да примечать. Так? А кто теперь у нас будет командовать? Вижу!!! Тощий в блию на голом теле. Мой!

Сошлись, точно на ристалище, мечи звякнули, и тут же кони отнесли нас друг от друга. Развернемся, и... еще, еще. Сильный, шельмец, жилистый, хоть и тощий, словно с детства вдосталь ни разу не поел. Спешиться бы да и один на один. Как же, дадут они честно сразиться. Да и коня бы побережь, Ветерок ни в чем не виноват. Ага, приближается, нет, это не честно, пока я на главаря пялился, какой-то урод сбоку подскочил, если бы не Виттельсбах, пожалуй, и отправил бы меня не на коронацию, а прямо в рай. Вот дрянь. Не хотите почестному, будет вам нечестно. На коне неудобно, одной рукой поводья придерживаю, другой мечом орудую. Оба! Да у тебя уже не меч в руках, а самая настоящая палица!

– Отто, стреляй!

Вот и славно, он нечестно – и я нечестно. Квиты, стало быть. Лихо напичкали его стрелами мои ребята. И что мне с того, что не я главаря завалил, пусть Виттельсбаху вся слава достанется, о нем будут миннезингеры песни распевать, я же лучше в сторонке постою, послушаю. Нет, на много лучше быть живым недотепой, нежели мертвым героем. А то, образина с палицей, брр. Поначалу казалось, ерунда дело, справлюсь, выкорчую супостата с Божьей помощью из седла, и там уже... Теперь понимаю, не по попу приход выбрал. Такой

⁵³ Манфред I был копьеносцем (lancifer) императора Фридриха I Барбароссы, его потомки носили имя Ланса и внука будет многолетней любовницей и супругой внука Фридриха Барбароссы, императора Фридриха II.

бы наперво голову снес, а после печалиться начал, что богатого пленника резоннее было бы в плен взять. Так что все к лучшему. О, спасенный сам к нам идет. Вот его одежду точно латать придется и постирать не помешает. Как он в таком виде да в собор? Бедолага.

Ну, теперь и мне свое слово сказать незазорно, дабы не забыли, кто тут главный.

– За меткий выстрел, за воинскую доблесть назначаю Оттона Виттельсбаха, мм... моим личным знаменосцем.

Ребята грянули не ожидавшему награды Отто троекратное «ура», а потом еще «слава герцогу», но да я уже не на них, на нашего спасенного глядел, он же шустряк уже тут как тут. Улыбка от уха до уха. Голая улыбка над густой бородой. Необычно.

– Мое имя Эберхард II фон Отелинген, епископ Бамберга, с кем имею честь? – чуть ли не вприпрыжку подскочил спасенный. Сразу ко мне, не к Манфреду, первым пришедшему на выручку, не к Виттельсбаху, что главаря завалил. Лицо приятное, круглое, молодое, нос курносый в веснушках, зато борода окладистая, богатая, черна с рыжими подпалами, словно не своя. У молодых людей обычно таких густых бород не бывает, оттого, кажется, будто приклеена. Впрочем, это только на первый взгляд показалось, будто бы молод Эберхард, скорее уж моложав.

– Фридрих фон Гогенштауфен, – скромно представился я.

– Младший, стало быть? Я твоего отца недавно видел на королевском пиру, когда мое епископство отмечали. Вы ведь тоже на коронацию едете? Может, дальше вместе? А то я, вишь ты, нонче совсем без свиты остался, неприлично. То есть, – Эберхард покраснел до корней волос, – разумеется, это я к твоей свите примкну, прошмыгну, стало быть, незаметно, а потом в соборе на свое место и встану.

Я невольно рассмеялся. Уж больно забавен оказался новый епископ Бамберга.

– Ничего, если без церемоний? – епископ смотрел на меня голубыми ясными глазами снизу вверх.

– Церемоний нам в Аахене хватит, вина?

– Не откажусь. – Эберхард даже облизнулся от удовольствия. Замечательный дядька! Почему я подумал «дядька» – он же молодой, или только кажется таким? Странно, такое чувство, что я его где-то видел. Глаза его – голубые, огромные!!!

Я достал притороченный к седлу бурдюк, и епископ с удовольствием сделал до-о-олгий глоток.

– Сейчас мой слуга вытащит из кареты все, что там есть ценного, а я уж как-нибудь верхом, растряс себя все, что мог растрясти в этой карете. Придумали тоже – если епископ, так изволь в душной трескучей колымаге разъезжать, одно счастье – герб на двери.

– Что за дичь, кто это запретил епископам в седлах ездить? – чуть не подавился вином я.

– Надули, стало быть. Вот нехристи, а я, дурак, и поверил. А все почему? Потому что всего год как приехал из итальянских земель, батюшка мой послал меня учиться в Болонью, дабы законы Империи знал. А потом Господу послужить пришлось...

– Так ты, стало быть, ученый?

– Получается, что так.

Мы сразу же подружились, что неудивительно между герцогом и епископом, когда они чуть ли не одного возраста. Эберхард, пожалуй, все же чуть постарше будет. Нет, определенно старше. Не суть.

– Батюшка говорил, ты уж прости, Фридрих, коль обидно звучит, ты меня сразу же останавливай, чтобы не трепал лишнего. А то привык, понимаешь ли, в Италии все, что на сердце, выбалтывать. Ладно?

– Угу.

– Так вот, отец говорит, что скоро в Германии все будет не так, как теперь. У нас ведь как считают, если сын, скажем графа, то от рождения графством управлять способен. На

деле народ именно такую картину видит. Его назначили, а он словно все премудрости разом постиг и рассудить способен, и что сажать велит, и кого вешать, ведает. В общем, Божье чудо вроде сошествия святого духа, ну, когда все вдруг начали говорить на разных языках.

Я кивнул.

– Так вот, графский сын оттого дело знает, что с малолетства отец его на все заседания таскал, с собой на суды возил. Вот он постепенно и умнел, добавь учителей разных, прочее... в Италии же или возьми хотя бы Византию, с которых нам пример брать должно, там молодые люди, прежде чем заступить на должность, должны учиться в университетах и школах. Медицине учат, знанию законов, философии, понятное дело, карты составлять, тоже знания нужны.

Ты, к примеру, поди, с малолетства скучал на отцовских советах? Но ежели тебя спросят, отчего земля не родит? Что ответишь?

– По воле Господа, – я пожал плечами. Только теперь примечая высокие стены Аахена, ну и быстро же добрались.

– То-то и оно. Градоначальника или кто там главный, безусловно, надо послать Богу молиться, а слугам его тут же знаешь что приказать?

– Нет, – вытаращился я.

– Навоз за скотом собрать, в поганные бочки свалить, водой залить, размешать, и поля обильно этим делом оросить! – Эберхард сиял, точно медный щит! – Вот она мудрость-то ученая!

– Неужто дерьмом?! Да кто же согласится-то? – встрял Манфред.

– Вонючка!!! – зажал нос Виттельсбах.

– Еще какая! – подмигнул Эберхард. – Зато и урожай!!! Сам испробуй, я не шучу. Золотом заплатил знакомому, что эти вот премудрости изучал. Ну, не золотом, вру, конечно, но вина проставил изрядно. И главное, я же тебе не сказал главного. Фридрих – друг, я же по приезду средство это вонючее испробовал! И что же... тут же Бог такой урожай дал! Уж матушка сразу в четыре монастыря пожертвование отправила.

– Так наши, чтобы урожай хороший был, попа зовут, чтобы он, стало быть... – почесал в затылке Отто, – водой святой, а ты дерьмом?! Тоже мне епископ! Да скажи я дома такое, меня же анафеме придадут.

– Ну и святой водой тоже окропи, – махнул рукой ученый Эберхард, – что бы того, не прокляли. А хочешь, Фридрих, научу, как сделать, чтобы свиньи жирели?

– Ты и это знаешь?! – изумился я.

– Тебе скажу, потому как должок за мной немаленький. – Отчего ты думаешь, у наших господ животы вечно беременные? Раньше хозяев к столу поспевают?

– Ну, Бог их такими сделал, – неуверенно начал я, снова напарываясь на насмешливый взгляд Эберхарда.

– А ученые мужи установили, что это от пива! Так вот, если ты не пожадничаешь и станешь свиньям в еду пиво добавлять, они тоже жирнеть начнут. Да и кормежка для свиньи – все, что за столом не съели, в одно корыто, и пива туда непременно, палкой размешай и подавай. К Рождеству будет у тебя отменная свинина. Да ты не веришь? Ну, давай так, специально прикажи в каком-нибудь из подвластных тебе хозяйств эти советы мои применить. Навозной жижей осенью и ранней весной поливать. Это я сказать запаматовал. Будут чаще удобрять, сожгут растения. Так вот, пусть сделают все по слову твоему, а через год либо я к тебе в Высокий Штауфен приеду, либо ты ко мне в епископство.

– Через год я в Святой земле буду.

Мы так и въехали в ворота Аахена, продолжая трепаться.

– Тогда пусть твой управляющий за этим делом следит и донесение тебе прийдет. Сам увидишь, и урожай будет, и свинина отборнейшая!

Договорившись, мы первым делом проводили нового знакомого и его уцелевших слуг на рынок, где он, торгуясь, словно жид, очень быстро раздобыл себе и своим слугам вполне достойную случая одежду, самому Эберхарду так вообще что-то совершенно роскошное досталось. Я рядом с ним, пожалуй, в моем скромном наряде, слугой смотреться буду. После чего мы отправились на постоялый двор, где наскоро помылись и переоделись во все новое. Все-таки заговорил меня епископ, хотел въезжать в город при полном параде. А впрочем... что я девка – чтобы стража на меня пялилась. Вот если бы с женой ехал, тогда конечно.

В тот день на пиру по случаю коронации Генриха Эберхард как-то прибил к нашему столу, хотя я с друзьями сел не по рангу, значительно ниже. Потрепаться хотелось, послушать, кто, где был, что преуспел. Так что нельзя сказать, будто бы епископ Бамбергский корысти ради к нам примкнул. Скорее всего, скучно ему было, без друзей, без знакомых. Вот и причалил к нашему берегу, а мы и рады. Хорошим парнем оказался этот Эберхард. Так дружба и завязалась.

Глава 11. Путевые заметки

К осени, все было готово к отплытию, и только Генрих Лев упорно тянул волокиту, требуя вернуть ему спорные земли, иначе он возьмет причитающееся ему самостоятельно. Сторонники похода пеняли ему за вероломный отказ от участия в святом деле, грозя то ли муками ада, то ли ранней смертью по причине внезапно возникшей болезни. При этом в запале отец сделал то, чего прежде за ним не водилось, а именно вдруг начал вдохновенно рассказывать о пользе ядов. В частности, поведал о новой, недавно добытой где-то отраве, которая попадала в тело человека через крошечную ранку. Можно, к примеру, мокнуть иголку в снадобье и затем уколоть ею жертву. Смерть почти мгновенная, любой лекарь решит, что ядовитая муха укусила. Присутствующий во время разговора наш итальянский сродственник Оттавиано ди Монтичелли⁵⁴ был просто очарован этой историей и потом еще расспрашивал отца в его светелке.

Наконец удалось достичь золотой середины – Генрих торжественно обещал, что, пока император будет находиться в Святой земле, он его трон захватывать не станет. Так что осенью 1147 года мы, облачившись в плащи с крестами, выступили в путь.

Ну, это ладно. Долго шли вдоль берегов Дуная и по балканским провинциям Византии. Мое задание – организовать снабжение рыцарского войска и простых паломников. А также следить за порядком и поддержанием дисциплины. Отметил себе на память: «очень трудно удержать немцев от воровства. Потому как если они видят дом, то тут же должны его ограбить». В походе участвует большое византийское войско, но это не сдерживает наших рыцарей, от грабежа греческих городов. А ведь это чревато, по дороге продукты приходится брать в городах, селах, пользоваться услугами местных проводников, а согласятся ли они указывать путь банде грабителей? Опять же флот, Византия имеет флот, мы – нет. Следовательно, необходимо сделать все возможное, чтобы они предоставили корабли, а не развернулись перед нами, показав корму.

Скажу о море – в нем нет пресной воды, а соленую пить нельзя. Выпьешь полкружки – и выблюешь ее или пронесет, целую – распрощайся с рассудком. С другой стороны, много воды с собой брать не удастся, так как она имеет тенденцию застаиваться. Опытные моряки берут с собой столько воды, сколько хватит до порта, в котором разрешена стоянка. В этом плане очень тяжело с лошадьми. Если лошади расположены слишком близко друг к другу, они могут покалечиться сами и поранить своих соседей.

В трюме воняет блевотиной и мочой, многие тяжело переносят качку. Я взял с собой в дорогу книгу, но прочитав меньше страницы, понял, что тоже начинаю ощущать недомогание. Самое странное, что если я спокойно переносил качку, стоило мне уставиться в написанный текст, к горлу сразу же начинала подступать дурнота.

Еще о коннице неверных скажу. Легкая конница, маневренная. Налетят, а стоит отпор дать – разбегаются, как красны девицы. Мы сначала не поняли что к чему, решили, трусы распоследние, а они, оказывается, так к себе заманивали. Разбегутся наши ребята, в пылу погони не заметят, что далеко от войска отошли, а тут их в оборот и возьмут.

Еще о вооружении их скажу, обратил внимание на маленькие луки. Воины султана могут стрелять из таких луков, сидя в седле и даже во время скачки, причем стреляют достаточно метко, так что и думать не смей броню снимать. Потеряв изрядно своих людей, порешили держаться сомкнутой колонной, находящейся в состоянии боеготовности. При этом не

⁵⁴ Виктор IV (II), Оттавиано ди Монтичелли (1095 г., Тиволи – 20 апреля 1164 г., Лукка) – антипапа в 1159–1164 гг., противостоял Александру III.

имеющие доспехов оруженосцы и конюхи были принуждены постоянно находиться в середине колонны.

При этом противник все время пытался разорвать колонну, к примеру, нападут на арьергард. Что тем делать? Либо заслоняться щитами, либо принимать бой. Выберут второе и невольно отстанут от основного войска. А это верная смерть. Хуже всех приходилось фуражистам, потому что они должны поставлять продовольствие, а попробуй оторвись от основного войска, отойди по надобе, тебя тут же убьют и добро заберут. В общем, нас дома таким приемам ведения войны не учили, пришлось на месте новые трюки осваивать.

В Византии тоже чуть со стыда не сгорел, когда наши, с позволения сказать, паломники, что шли с войском, добравшись до Константинополя, попросту отказались повиноваться ведущему поход королю!

25 октября 1147 года произошло сражение с сельджуками при Эскишехире, окончившееся нашим полным разгромом. Не удивительно, представьте себе тяжелое неповоротливое войско, вынужденное защищать груженные возы и армию вооруженных одними только молитвами паломников, которых, по идее, нужно охранять, но которые со страха только что под копыта своих же коней не бросаются. В результате полная сумятица и позорное поражение. Если бы на помощь не пришел Людовик VII⁵⁵ с его легкими, дисциплинированными рыцарями...

Потом был поход на Дамаск, я вел швабское войско в составе рыцарского войска трех королей: Конрада III, Людовика VII и Балдуина Иерусалимского⁵⁶. Июль 1148 года, жара, броня нагревается так, что оставляет реальные ожоги. В латах свариться можно. Самое смешное, что от этого злополучного похода нас отговаривали богатые и влиятельные сирийцы. Не послушались, чем ускорили заключение военного союза Нуреддина Алеппского с правителем Дамаска, уж не помню, как его там. В общем, не поход, а сплошное разочарование.

⁵⁵ Людовик VII Молодой (1120 г. – 18 сентября 1180 г.) – французский король (1137–1180), сын Людовика VI Толстого.

⁵⁶ Балдуин III (1130–1163) – король Иерусалимский (с 1143 г.), сын и наследник Фулька и Мелисенды.

Глава 12. Византийские интриги

После того как из дома доставили горестную весть о кончине моего отца, дядя Конрад лег и начал помирать. Заболел, да так серьезно, что я стал опасаться, получится ли доставить его домой. Вот ведь как бывают, жили два брата, старший был умный, а младший – тоже умный, потому что его слушал. Уверен, все полезные реформы в Империи, которые проводил Конрад, все правильное и хорошее, что он все же успел сделать, было тщательно спланировано моим отцом. Теперь же, потеряв человека, правившего за него Империей, Конраду оставалось только помереть.

В Константинополь его величество въезжал уже практически без памяти, на носилках, которые несли самые благородные рыцари Германии. Его сразу же отвезли в один из дворцов правителя, к постели тяжелобольного вызвали лучших докторов Византийской империи. Все они озабоченно качали козлиными бородами, прищелкивали пальцами в драгоценных перстнях, а потом оставляли пузырьки снадобий, уверяя, что несколько месяцев на целебных водах и полный покой излечат его многострадальное величество.

Изнывая от безделья, я бродил по прекрасному городу, не находя себе места. Да и чем я мог помочь? Сидеть у постели умирающего? Если бы он приказал мне – сел бы и сидел. Но дядя не звал меня, долго не звал – неделю. Так что временами мне казалось, что он вообще позабыл о моем существовании. Я бродил по городу с его белыми домиками с голубоватым орнаментом и витыми решетками, сквозь которые захочешь ничего не разглядишь. Такие решетки помогали прятать от посторонних глаз женщин – жен и дочерей хозяина дома. Вокруг некоторых домов небольшие садики с диковинными цветами и плодовыми деревьями. Только нас сразу же предупредили, во дворец будут бесперебойно доставляться лучшие фрукты, а придет желание, можно взять себе на базаре. Но вот просто сорвать приглянувшийся плод... ни в коем случае, мало ли что растет в этих землях. С виду это может быть вполне безобидный фрукт, а на деле средство для окрашивания тканей или еще что похуже.

В тот вечер, когда меня по всему городу искали дядины слуги, я гулял допоздна, возвращаясь домой во тьме. Хорошо, я давно уже заметил нашу улицу и обзавелся паролем для входа. Потому как одни воины знают тебя по голосу, а другие, может, и не припомнят. Город же не казался безобидным местом. Подойдя ко дворцу, я остановился, залюбовавшись отражением большой круглой луны в водах пруда, когда мимо меня прошуршала тень.

Кто это? Вор? Человек ловко перелез через тонкую ограду, бесшумно приземлившись шагах в десяти от меня. Чиркнуло огниво. Зачем крадуну привлекать к себе внимание? Я хотел уже поймать негодяя, когда послышались шаги и я был вынужден затаиться, прижавшись к ограде.

– Ваше сиятельство, я тут. Простите, замешкался и не подал вам руки. Встречался с посланцем Генриха-Льва – хорошие новости, как вы и советовали, он женился на Клеменции⁵⁷, дочери герцога Церингена⁵⁸, а потом я хотел вернуться к вам и заплутал в этой темени. Как вы? Не ушиблись?

– Черт тебя подери, Рудольф! Я уж думал, что остался один, – услышал я знакомый голос другого своего дядюшки, графа Вельфа. – Чуть в штаны с перепугу не наделал, думал уже бежать к воротам и просить сразу впустить меня обратно.

⁵⁷ Клеменция, дочь Конрада, герцога Церингена, и Клеменции Намюрской. Супруга Генриха Льва с ок. 1148 г. (развод 23 ноября 1162 г. (ум. 1173/1175 гг.). Она вторым браком в 1164 г. сочеталась с Гумбертом III, графом Савойи и Морьенны.

⁵⁸ Конрад I Церингенский (1090 г. – 8 января 1152 г., Констанц) – герцог Церингенский с 1122 г., ректор Бургундии с 1127 г. Сын Бертольда II фон Церингена и Агнессы Швабской.

– Ха-ха, ваше сиятельство. Хотел бы я видеть того, кто сумеет вас напугать до такого состояния.

– Хе-хе, милый Рудольф. Никого больше не ждем? Тогда пошли отсюда, мои люди размещены лагерем за городом, часть – на постоянных дворах, так что можем до свету-то и не управиться...

В этот момент ветка хрустнула у меня под ногой, и в следующее мгновение кто-то невидимый ткнул в спину острым.

– А вот кого я нашел, – запах перегара густо перемешивался с ароматом жареного мяса.

– Шпион Конрада? Прирежь негодяя.

– Это я – Фридрих! Дядя! – успел выговорить я, проклиная себя за неосмотрительность, и тут же Вельф и тот, кого дядя называл Рудольфом, бросились на мою защиту.

– Хочешь пролить кровь моего рода?! – взвизгнул дядюшка, в то время как его приятель ловко оттолкнул моего несостоявшегося убийцу, встряв между нами.

– Что ты делаешь здесь в столь поздний час? – Поинтересовался дядя, я по-прежнему не видел его лица.

– Гулял, – пожал плечами я.

– Так поздно? Без охраны? – удивился Рудольф, теперь я наконец признал его. Рудольф фон Шталека, казначей моего дядюшки, я видел его несколько раз в шатре Вельфа и еще как-то во дворце у постели нашего короля.

– Так получилось. А вы, дядюшка? Я так понял, что вы вышли из дворца, не потревожив ночной стражи? Такое важное дело?

– Важнее не придумать, у меня свидание. – Должно быть, дядюшка широко улыбнулся, в темноте не разглядишь. – Ну, бывай, племянничек, верный Рудольф проводит меня и будет охранять до рассвета.

– Вы, должно быть, влюбились в жену одного из сановников императора Византии, если для охраны берете себе всех своих людей, – неизвестно для чего, пошел я в бессмысленную атаку.

– Ваше сиятельство?! – За спиной опять послышалось пыхтение и запах перегара. Удивительно, как бесшумно ступает этот негодяй.

– Отставить, Вальтер. Мой драгоценный племянничек слышит звон, да не знает, с какой он колокольни. К даме сердца я иду в сопровождении Рудольфа фон Шталека, полагаю, ты узнал его и Вальтера Шауэнбургского. Что же до моих доблестных воинов, к ним я действительно собирался нагрянуть с внезапной проверкой, дабы поднять боевой дух и заодно поглядеть, чем они там, стервецы, занимаются. Так что мой тебе совет, умерь разыгравшееся воображение и ложись спать.

Я чувствовал себя дураком, хотя и дядюшка не лучше. В его-то годы скакать через ограды, а потом красться через весь город в сопровождении всего двух охранников! Да еще возможно, с риском для жизни проникать в чужой гарем! Ох, дядюшка, седина за бороду, а черт за чресла.

Я уже назвал пароль и прошел в ворота, как вдруг мне захотелось догнать их, объяснить, насколько он не прав, предложить свою помощь, наконец. Оттолкнув впусившего меня стражника, я выскочил на улицу, пробежал в том направлении, куда, как мне показалось, ушла троица, и, постояв немного, был вынужден вернуться обратно. Упустил.

Поднявшись в свои покои, я помылся в давно остывшей воде, после чего хотел уже сесть за свои записки, как меня вызвали к королю.

Дядя Конрад полусидел на широкой постели, опираясь на груды расшитых шелком подушек, перед ним на узорчатом столике горели свечи. В покоях кроме меня уже стояли, ожидая, что им скажут, с десяток офицеров.

– Я поднял вас посреди ночи, потому что произошло нечто, чего я давно ожидал, – слабый голос Конрада казался скрипучим, в покоях пахло потом и воском. – Некоторое время назад мне доложили, что наш лагерь покинул предатель Вельф! Уже три дня за ним и его приближенными следили наши люди, но сегодня ночью иуда перебил приставленных к нему, сбежав из дворца и теперь уже, по всей видимости, направляется к своему хозяину – королю Сицилии. Вильгельм I Злой⁵⁹ уже давно оплачивает смуты в Германии, теперь же, когда я не могу подняться, дабы самолично навести порядок в стране, они попытаются сделать переворот, дабы посадить на трон узурпатора.

Посему мой приказ, в порту нас ожидает готовый к отплытию корабль, на котором мой племянник Фридрих Швабский теперь отправится на родину, дабы от моего имени пресекать любые попытки бунта. Фридрих, я даю тебе мой перстень и приказываю во всем поддерживать и наставлять моего сына Генриха, пока я не смогу вернуться, дабы лично рассчитаться с подлой гадиной.

Той ночью король издал несколько приказов, но меня касался только этот, так что, велел знаменосцу Отто, копьеносцу Манфреду и десятнику графу Гвидо Бьяндрате⁶⁰ собираться, я лег спать.

⁵⁹ Вильгельм I Злой (1126 г. – 7 мая 1166 г., Палермо) – второй король Сицилии с 1154 г. из династии Отвилей. Четвертый сын Рожера II и Эльвиры Кастильской.

⁶⁰ Гвидо IV граф Бьяндрате (Биандрате), участник Второго и Третьего крестового похода, женат на Изабелле, дочери Раньери, маркграфа Монферрата из династии Алерами.

Глава 13. Смерть наследника. Заговор Эберхарда

С того дня как я вернулся из неудачного крестового похода и начал править вместо дяди, прошло целых три года. Константинопольские лекари не соврали, дядя действительно не умер у них на руках, более того, мы ждем его буквально на днях. Поначалу одно обстоятельство мешало мне достичь душевного равновесия. Еще в Святой земле я получил донесение от моего друга детства, Вихмана, а тот – от доверенного в замке человека о неверности моей супруги. Вернувшись, я допросил свидетелей и был вынужден признать, что Адельгейд не оклеветали. Видно, прав был друг Отто: выходя за меня замуж, она была влюблена, и когда я отправился в поход, как-то приблизила к себе своего возлюбленного. Означенного дворянина обвиняло еще и то, что он бежал из герцогства, едва мы высадились на берег. С тех пор я отправил Адельгейд в отдаленную крепость, где она живет полновластной хозяйкой, ожидая нашего развода. По приезде дяди короля, упаду ему в ноги, пусть посылает прошение папе. А не разрешит, отправлю мерзавку в монастырь, дабы замаливала там грехи.

Кстати о Вихмане, рукоположен и ныне епископ в Наумбурге. Молодой, расторопный, в любое дело влезучий, дотошный да сообразительный. И ко всем прочим достоинствам с обширными связями. Народ им не нарадуется. Недавно, будучи в тех краях, я специально свернул с намеченного маршрута да и заехал в гости. Не изменился дружок мой Вихман – маленький, большеглазый, улыбчивый.

Я спокоен, власть в стране крепка как никогда. Не надеясь на помощников и предпочитая в любое дело войти лично, дабы все изучить да руками пощупать, взял себе за постулат – править, сидя в седле, что не причиняет неудобств мне, но зато доставляет хлопоты тем, к кому я приезжаю с внезапной проверкой. Моя личная охрана – пятьдесят человек – ничтожно для наместника на германском престоле, но зато все они отчаянные рубаки, смелые и отважные рыцари, каждый из которых, по моему личному мнению, стоит нескольких десятков отборнейших воинов. Да еще человек пятнадцать – обоз. Вечно за нами из города в город тянутся телеги оснащенные кожаными навесами от дождя. Там и зерно для собственного прокорма, и овес для лошадей, соленое мясо, вино, зернотерки, а также иные полезные в хозяйстве инструменты: лопаты, длинные канаты, топоры... иногда и камни возить приходится, потому как не штука – построить на месте катапульту, штука – найти чем ее заряжать. Но это уже если точно знаешь, что придется осаждать какую-нибудь крепость, и это не пятьдесят, а иногда и полтысячи человек брать приходится. И то не всегда хватает. Время разбрасывать камни и время их собирать. В обозе кроме слуг священники. А как без них – короткая месса перед боем, длинная – заупокойная после.

Для того чтобы я мог быстро и беспрепятственно добраться до любого интересующего меня города, до любой деревни или монастыря, сразу же по приезде занялся строительством и ремонтом дорог. Прежде в весеннее и осеннее время жизнь в стране как бы затихала. Трудягуры не могли добраться до желающих послушать их песни господ, те почти не ездили в гости друг к другу, не засылали сватов к невестам, не устраивали турниров, купцы пропускали выгодные для них ярмарки, соответственно правители недополучали налоги. Великий завоеватель грязь брала в полон половину Европы. Так что оставалось только молиться о перемене погоды, скучая у собственного очага. Теперь положение дел заметно улучшилось. Туда, где ранней весной и поздней осенью царствовала непролазная грязь, мы привезли камни и даже дерево, где-то пришлось расширять дороги, где-то укреплять берега рек. Ремонт дорог делается частично за счет городов и местных господ, частично на средства козны. Сначала бухтели – мол, и так бедствуем, не до дорог, а теперь, когда возы с товарами начали приходить в город чуть ли не круглый год, уразумели свою выгоду. И самое важное – никаких междоусобиц, ни малейших бунтов, с этим горе-любителем чужих гаремов, дядюш-

кой Вельфом, мы буквально раз честно встретились в открытом сражении, после победы в котором мне удалось-таки уговорить его прекратить вредить Германии. Что же до Генриха Льва – то с ним все непросто. Драгоценный кузен снова требует вернуть ему Баварское герцогство, недвусмысленно намекая на свои родственные связи с семейством фон Церингенов, которые в один год увеличили его личное войско до такой степени, что теперь оно чуть ли не втрое больше королевского!

Я несколько раз назначал императорское собрание, куда приглашал известнейших законников, дабы те подсказали выход из положения и определили истинного хозяина Баварии. Генрих даже не подумал объяснить причину своей неяви. Его же представитель вел себя столь вызывающе, что правильнее всего было бы вздернуть наглеца за его поганый язык. Я же, по совету Эберхарда епископа Бамбергского, коего перед отплытием в Святую землю мы с ребятами вытащили из лап разбойников, решил не усугублять ситуацию, через силу улыбаясь негодяю. Ладно, вернется его величество, пусть сам разбирается и с Баварией, и с... бедный король! Незадолго до прибытия первого корабля тринадцатилетний Генрих был найден в своих покоях мертвым. Придворный лекарь засвидетельствовал смерть от какой-то непроизносимой болезни и позже погиб, свалившись с лошади, при попытке бегства. Язык королевского сына был черен и настолько распух, что вываливался изо рта. Мой двоюродный брат явно был отравлен.

В то время я, уладив давние разногласия между двумя императорскими ленниками, отправился в порт, дабы лично встретить его величество. Так что ужасная новость настигла и меня, и дядюшку практически одновременно, и принес ее не кто-нибудь, а все тот же ясноглазый епископ Бамберга, мой новый друг Эберхард, который в это время находился при дворе, и когда сбежал ученый медикус, лично осмотрел тело погибшего. Эберхард, конечно, не лекарь, но ученый, видел я, как при дворе он шествует, как щеки надувает. Нет, определенно он старше меня лет на пятнадцать. А мы-то его тогда на дороге за мальчишку приняли. За то время, что я потерял в никому не нужном крестовом походе, он добился необыкновенного влияния при дворе, так что его и в покои допустили, и после, что более важно, из дворца выпустили. Он же вскочил на своего коня и в сопровождении всего десяти верных слуг прибыл прямо в порт.

Бедный дядя, три года понадобилось ему восстанавливаться после смерти моего отца и его брата, а теперь старший сын и наследник!

Тем не менее король принял весть о трагедии на удивление стойко, самолично допросил слуг, переговорил с еле передвигающимся после дороги епископом. И добравшись до замка, первым делом посетил бывшие покои Генриха, и, спустившись в конюшню, даже приласкал его любимого жеребца. После чего повелел считать отныне наследником короны своего второго сына – шестилетнего герцога Ротенбурга Фридриха⁶¹.

Как сообщил тут же его величество, во время его пребывания в Византийской империи он настолько сдружился с императорским домом, что договорился о помолвке младшенького с византийской царевной!

Так что я поздравил малыша, уверив его, что все царевны за морем сказочно прекрасны, а Византийская империя – невероятно богата. В общем, у Генриха нет слов, жалко, но не о том сейчас нужно думать.

Только похоронили принца, только разобрался с тезкой, обещая всячески помогать и, когда придет время, присягнуть... Голова черт-те чем занята. Шаги в пустых коридорах глухим эхом отзываются, темнотища, по случаю ли похорон или просто у Конрада такое настроение, что коридоры замка практически не освещаются, того и гляди убивец из-за угла с кин-

⁶¹ Фридрих IV (ок. 1144 г. – 19 августа 1167 г.), именовался герцогом Ротенбурга, герцог Швабии (1152–1167).

жалом выскочит или сам на лестнице навернешься. Приходится слуг с факелами вперед себя посылать. И тут меня действительно хватают за рукав.

– Что такое? Кто допустил? А, это ты, Эберхард? Пойдем выпьем, что ли. Только не здесь, не дворец – склеп! Пойдем в город, знаю я один трактир.

– Да постой ты, окаянный! – Эберхард бесцеремонно тянет меня в узкий коридор, так что мои слуги едва успевают за нами. Неужели стервец узнал, где тайный проход в винный погреб?

– Пойдем-пойдем, разговор есть. Проходи, у меня тут камора. А вы, орлы, за дверью подежурьте, узнаю, что нас кто-то подслушивал, лично уши пообрубая.

Послушались «орлы», даже не подумали, на каком это основании Бамбергский епископ им – герцогским ближникам – уши рубить станет. Тугодумы!

Вошли. Клетушка крохотная, норка сухонькая, у преступников камеры, пожалуй, шире будут, без окна даже, ложе узкое у стены в нише, шкурой медвежьей застлано, столик, пара табуретов. Надо будет узнать, как и главное, для чего в королевском замке такое помещение сделали. Непривычная теснота давит, так что стоять, темечком потолок подпирая, не хочется. Сразу сел и тут же на столе кувшин вина обнаружил. Знать, встреча неслучайная, ждал меня епископ.

– Здесь нас никто не услышит. Я бы с тобой, конечно, и в трактир пошел, да только время нонче поджмает. Ты выпить хотел? – Кувшин хватя, и сам первым отпил. Дело серьезное, коли решил, что я его могу в отравители записать.

– Я из Бамберга своего медикуса привез. Нормальный парень, в Париже учился, сначала при кафедральной школе под епископом парижским, а потом, когда лаяться с ним надоело, со всей школой переехали на гору Святой Женевьевы. Еще потом где-то учился, уже не упомяну. Из сестры моей, греховодницы, крысиный яд выгнал, который она откусать изволила из-за несчастной любви. Совсем уже девка загибалась, он ее землю жрать заставил, воды в нее – бочку не меньше влил. Спас, в общем. Жаль, не успели Генриха с того света достать. – Он вздохнул и, отхлебнув еще, передал мне. – В общем, это присказка, а сказка впереди. Дружок мой – ученый лекарь давеча смотрел его величество и сказал, что тот, – Эберхард покосился на дверь и продолжил шепотом, – не жилец он, Фридрих. Не спасет государя нашего приятель мой, хоть золотом его до макушки засыпь, хоть кожу с живого сдери. Одной ногой в могиле, король Конрад.

Я перекрестился, машинально проглатывая кислое пойло.

– Сегодня-завтра Конрад преставится. Говорить об этом, разумеется, нельзя, но нам с тобой ясность необходима. – Он сделал паузу, зачем-то изучая собственный перстень на указательном пальце. – После его величества кто престол наследует?

– Как «кто»? Сын его, Фридрих! – Я пожал плечами. Мол, какие могут быть варианты?

– Ага. Шестилетний сопляк, вместо которого вплоть до совершеннолетия править станет архиепископ Майнцский⁶².

– Ну, наверное... – хотел уже вспылить я на «сопляка», но тут же передумал. Правильно говорит Эберхард, кому как не ему.

– Переварил? Может, вином запьешь, пилюля горькая, да только сейчас я ее тебе еще горче сделаю. – Он вздохнул, испытующе глядя мне в глаза. – Кто таков этот архиепископ Майнцский? Кому он служит? Скажешь, короне германской? Империи? Черта лысого он им служит, папе римскому, который его на архиепископское место посадил. Следовательно, до тех пор, пока малолетний король в возраст приличный для правления державой войдет, проведет архиепископ столько законов антигерманских, сколько его благодетель пожелает.

⁶² Арнольд фон Шеленхофен, архиепископ Майнца (7 июня 1153 г. – 24 июня 1160 г.).

– На все воля Божья, – я хотел уже подняться, но епископ схватил меня за одежду и силой вернул на жесткий табурет.

– Ты, возможно, считаешь, что я тебе соврал, Конрад сильный, и по воле Божьей проживет еще несколько лет, и даже отпразднует с сыном его совершеннолетие?

Нет, в тот день я видел серо-зеленое лицо дяди, вдыхал струящийся по его щекам кислый пот и понимал, скоро, уже скоро.

– С неделю назад мы с королем условились, что в феврале проведем рейхстаг в Бамберге. Хотел обсудить с князьями поход в Рим за императорской короной. Только тому не бывать. И теперь главное, если мы не хотим, чтобы архиепископ Майнцский правил в Германии, следует передать бразды правления в руки более подходящего кандидата.

Я подскочил на месте и, ударившись о низкий потолок, тут же опустился обратно, потирая шишку.

– До коронации заживет, – подмигнул коварный Эберхард. – Назови лучшего кандидата? Кому как не тебе принимать власть? Внуку императора, племяннику императора, человеку, в чьих жилах течет кровь Штауфенов и Вельфов! Тебе, друг мой, и дано стать тем самым краеугольным камнем, что соединит две стены, не дав им погубить друг друга.

– Не по-рыцарски это, как же! Переворот!

– Это они хотят Германию развернуть к Риму задом, да и...

– А как же мой двоюродный брат, Фридрих? – это я уже чуть ли не кричал, когда мы вместе с епископом наперегонки спускались по темной лестнице. Слуги с факелами реально за нами не поспевали.

– Отдашь ему свое герцогство! Я же тебе не убийство предлагаю, чудак человек! Эй, кто там? Выводи лошадей.

– Куда скачем? Подумать бы еще.

– Куда? Куда, в Кудыкину вотчину, орать похабщину! – смеется епископ, как и в седло-то успел взлететь, вроде только что стоял рядом, черт голубоглазый! – В Бамберг. Там теперь весь цвет Германии собрался, только тебя и не хватает! Догоняй, а то будешь потом говорить, мол, «без меня меня венчали. На трон высокий сажали, корону надевали».

И вот мы уже летим. Не вдвоем – чудо-чудное, рядом верный Отто Виттельсбах, рядом вся моя свита, с которой я в замок приехал, и вся епископская свита, словно позвал их кто-то, заставил одеться, собраться и коней вывести. Факелы горят, броня блестит, красотища!..

Дорогой все спорили да орали, дорогой песни горланили, потому как вдруг такая легкость телом овладела, вот-вот взлечу. Не иначе как Господь всемогущий знамения шлет одно за другим.

Да и Эберхард разве измену предлагает? Пусть даже и похоже. Все одно замучает архиепископ маленького Фридриха, а заодно и матушку Германию, мало ли что ему на ум взбредет папской крысе? А шестилетний король, ему ведь даже пикнуть не дадут. Я же ему не ссылку, не смерть предлагаю, а мой собственный дом – богатейшее герцогство! Жить да радоваться!

В ворота Бамберга вихрем влетели, мост, должно быть, специально для нас опущен был. Ждали! Подкованные копыта зацокали по мощеным улицам.

– Я архиепископу Кёльнскому написал, – спешиваясь и передавая коня подоспевшему слуге, продолжает хитроумный Эберхард, – чтобы позвал к себе Генриха Льва, графа Вельфа, Церингенов сколько их ни есть, Язомирготта и других разных. Все под строжайшим секретом, дабы ни один иуда архиепископу Майнцскому не доложил.

Так что передохнем, подкрепимся, чем Бог послал, да и в Кёльн!

– Генрих Лев?! Так он же враг! – остановил я готового принять чашу для омовения лап прежде меня епископа.

– Твой, что ли, враг? Ты у него невесту с брачного ложа увел? Над матушкой надругался? Денег проиграл и не отдал? То-то, Генрих Лев друг Германии, а стало быть, и наш друг. Ну, рученьки белые омыл, так чего же стоишь? Моя челядь хоть и проверена, а все одно, не дело ей о делах наших слушать. Пошли, что ли, в покои. Там все наши новостей ждут.

* * *

Четырнадцатого февраля королю сделалось совсем тяжело, так что нас с епископом спешно вызвали к постели умирающего. Интересно, когда же это хитрожопый Эберхард успел сообщить, что я к нему в гости еду? 15-го дядя помер, не приходя в себя. У постели умирающего мы стояли вдвоем. Когда Эберхард прочитал краткую молитву, мы вышли к ожидающим придворным, и епископ сообщил, что-де король Конрад отошел в мир иной в здравом уме и твердой памяти, вручив своему верному соратнику и любимому племяннику Фридриху Швабскому, то бишь мне, королевские инсигнии, тем самым сделав его престолонаследником.

Врал, гад, а я стоял и слезы лил, дядя все-таки. А потом в руках у Эберхарда действительно оказались эти самые инсигнии, те, что когда-то недополучил мой отец, но теперь епископ торжественно передал их мне, заставив принять. Так и стоял я, со всем этим богатством, не зная, примут ли меня или потащат в холодный подпол, где самое место заговорщикам.

А Эберхард соловьем заливается, поет в доверчивые уши, будто бы сам слышал-наблюдал, как покойник долго думал и потом решительно отверг кандидатуру своего малолетнего сына в пользу племянника, так как Фридрих Швабский зрелый муж и опытный правитель, и все его знают и почитают, его же сынишка пока что мал да неразумен. Допустимо ли младенцу Империю оставлять? Доверять дело, с которым не всякий разумный взрослый справится! Ему же король повелел отныне владеть герцогством Швабским, на которое Фридрих Швабский больше прав иметь не будет. Вот это понравилось. Людям вообще нравится, когда от кого-то что-то отнимают. Даже не задумались, что в итоге я больше получил.

В завершение речи Эберхард сообщил совсем странное, мол, погребение Конрада, опять же по его наипоследней воле, произойдет не в Лорхе, где все Штауфены покоятся, где бабушка и дедушка, где папа мой, а в Бамберге.

После чего, похоронив дядю чуть ли не впопыхах и возможно нажив себе врага в лице шестилетнего кузена и его матери, мы с епископом отправились в Кёльн.

Глава 14. Выборы

В Кёльне нас ждали с распростертыми объятиями, на въезде в город встречали архиепископы Кёльна⁶³ и Трира⁶⁴ лично, которые и провели нас в крепость, расчистив коридор. Не то, боюсь, потерялись бы среди созданных Эберхардом гостей. Все приглашенные прибывали со своими свитами, больше похожими на войска, тысячи и тысячи людей закованных в броню – не найдя себе места в гостиницах и частных домах, жгли костры прямо на улицах города, распевая военные песни и славя нового короля! Наверное, следовало одеться *in rotta magna*⁶⁵, не помешали бы и знамена, но нас узнали и приняли как и подобает. В дорожном платье меня сняли с коня и на руках торжественно понесли через весь город, во дворец.

А люди все пребывали, новые отряды уже не пускали в город, и они вставали лагерями вокруг него.

– Все! Нас уже большинство! – задышался от радости Виттельсбах. Знамя-то где? Мое ведь оно теперь! Фридрих, скажи им!

– Это значит, папа не станет считаться с протестом архиепископа Майнцского, – ликовал Манфред. – Нас слишком много. А он один, нас слишком много и мы – Германия!

– Да, да, да... дайте же герцогу отдохнуть перед дальней дорогой. Никаких аудиенций, наш будущий король должен собраться с мыслями, да и... встретиться со своим портным. Черт возьми, ах, вам кажется оскорбительно, что вас не пускает личный копьеносец герцога, в таком случае позвольте епископу запретить вам проход. Да, это действительно я, вы не ошиблись Эберхард II фон Отелинген, епископ Бамберга, стою на страже покоя нашего будущего государя вместе с господином Манфредом. Его копьеносцем, – разорвался у дверей Эберхард. – И мне очень приятно... что вы, это для меня честь, но к Фридриху нельзя, Богом кланусь, нельзя. Выпить? Ну, давайте выпьем.

* * *

Мы едем во Франкфурт для участия в рейхстаге, который состоится 4 марта 1152 года, тема заседания обозначена туманно: «Для обеспечения в Империи мира и порядка», но все понимают – нового короля едем выбирать. И вот огромный серый зал с гобеленными, глаза слепнут от факелов, от золотых и серебряных украшений, от блеска оружия.

Открывает рейхстаг архиепископ Кёльна, который сразу же предлагает создать выборную комиссию, которая и даст стране короля.

Но кто войдет в эту самую комиссию? Господа волнуются, господа выкрикивают с места, пытаются подняться на трибуну, всем хочется сказать свое.

– А пусть сами решают, – неожиданно бросает архиепископ, расплываясь в довольной улыбке.

– Кто?!

– А все претенденты на престол. Пусть сами рассудят, кто из них более достоин носить корону.

⁶³ Арнольд II фон Вид, архиепископ Кёльна (1156–1158 гг.).

⁶⁴ Хиллин фон Фальмагне, архиепископ Трира (28 января 1152 г. – 23 октября 1169 г.);

⁶⁵ *in rotta magna* (ит.). – С большой помпой. Вариант: с большой торжественностью

Решение нравится, если ты сам добровольно выберешь другого претендента, к кому опосля побежишь жаловаться? С другой стороны, каждый ведь выберет себя любимого. Замкнутый круг!

Все заинтригованно молчат. Потом вдруг раздаются голоса:

– Фридриха Швабского в короли!

Я выхожу в центр.

– Генриха Саксонского!

Толпа расступается перед Генрихом Львом.

– Фридриха Ротенбургского! Он сын короля!!!

Шестилетний кузен выходит вперед, бледный, дрожащий. Он что, решил, что я его прямо сейчас резать стану? Дурила.

– Церингенов давай! Бабенбергов!

Бьют барабаны, бряцает оружие, кто-то кричит, кто-то собственным креслом лупит по колоннам, веселье! И тут же меня подхватывают под руки, под ноги, возносят над полом. Черт бы вас побрал! Не дай бог уроните!

– Не пужайся, вашество, сдюжим. – Швабские рыцари подкрались к претендентам на престол да и подняли меня на своих щитах, сунув в руки державу и нацепив откуда-то взявшиеся мантию и корону. И с криками «дорогу королю Германии Фридриху!» пронесли через весь лагерь и остановились только в специальных покоех, в которых избранники должны были сделать свой выбор. Пешие, обескураженные за нами проследовали остальные.

Говорят, что после слово взял архиепископ Майнцский, который, естественно, тут же обозвал меня лжецом и узурпатором. А, пушай разоряется, все одно никто не слушает. Все заняты, ставки делают, кого же выберут королем. Один лишь архиепископ Кёльнский кротко выслушал своего коллегу, после чего глубокомысленно изрек, что-де он сам лжец. Майнцский Кёльнскому орет – дурак ты! Кёльнский ему в два раза громче отвечает – сам дурак! Тогда архиепископ Майнца решил по-иному действовать и выдвинул следующий аргумент: слишком короткое междуцарствие – всего три недели. Не бывало прежде такого!

– А ты хочешь, чтобы мы три года без короля жили?! – показно удивляется архиепископ Кёльна. – Не бывало, так будет!

– Выборы проходят в неподобающем месте, по правилам в Майнце, а на самом деле во Франкфурте-на-Майне.

– Так это же избрание, не коронация. Коронация на положенном месте пройдет, а выборы где Бог даст, главное ведь, что все в сборе!

А меж тем в покоех, отведенных для претендентов на престол, шел торг, какого свет не видывал, каждый кандидат получил по небольшой горнице со столом, креслами и местом для сна, где можно было передохнуть или подумать в тишине – идея Эберхарда. Сам он находился при мне, дабы поддержать дельным советом, другие претенденты тоже вызвали своих советников.

– Фридриху Ротенбургскому герцогство Швабское, в качестве возмещения потери престола, – с придыханием шепчет Эберхард, азартно потирая рука об руку. Сам постарайся вразумить кузена или послать кого? Матушка его шибко любит, скажу, чтобы шепнули ей, что на троне ее любимчик и года не вытянет, отравят или придушат сонного. Пусть не кочевряжится – герцогом быть тоже не плохо.

– Да, я готов хоть сейчас передать Швабию.

– Как бы не так, горазд ты будущее королевское величество герцогствами за просто так разбрасываться, – брызжет слюной ясноглазый. – Герцогство ему, а опекунов над ним – тебе. Так дела делаются.

– А Вельфу VI что?

– Дяде твоему – Тосканское маркграфство, герцогство Сполето, острова Сардинию и Корсику, я уже подкатывал к нему, за меньшее не сдастся.

Бегают, суется пронырливые монахи из славного города Бамберга, новой королевской усыпальницы, на кой черт ему там труп королевский сдался? Лежал бы спокойно в Лорхе.

Тук-тук, скреб-скреб, в дверную щель просовывается голова в капюшоне.

– Господин епископ, на пару словечек бы?..

Эберхард выныривает за дверь и тут же появляется.

– Дурит Вельф – сам в короли хочет! Врешь, не возьмешь. Хочет яблоко раздора схватить.

– Какое еще яблоко? – не понимаю я.

– Наследство Матильды Тосканской, которое она Генриху V Германскому завещала. Центральная Италия, жалко! Но...

– Пушай подавится.

– И то верно. Наследство Матильды вообще неизвестно чье, папа, к примеру, считает его землями курии. Вот пусть он с ним о праве собственности побеседует.

– Герцогу Чехии необходим королевский титул. Говорит, денег не надо, земель не надо. Сделаешь его королем?

– А коли остальные в короли запросятся? Обдумать надо.

– Некогда думать!

– Ладно, пушай королевствует, авось его через неделю не скинут.

– Да, хоть бы и скинули, нам-то какое дело? Ладно, я побежал.

– А тебе что? За все про все? – в последний момент хватаю за плащ своего добровольного помощника. Так дернулся в сторону, словно там у него хвост припрятан.

– Бенедиктинское аббатство Нидеральтайх в Нижней Баварии – в случае успеха, понятное дело.

Тоже губа не дура, но да этому хотя бы за дело. Если бы не он...

Тук-тук, скреб-скреб.

– Простите за беспокойство, герцоги Церингер и Бабенберг срочно на аудиенцию просятся. Пускать?

– Конечно, пускай.

Неужто хитрый епископ с ними не сторговался, что они сами ко мне пожаловали?

– Фридрих, мы это... – мнется в дверях бочкообразный Бертольд Церингер, представитель древнего рода, – мы все согласны тебе присягать. Епископ мне еще Бургундию обещал в лен передать. Так я того, подожду с вступлением в новый лен, пусть пока что будет только на бумаге. За меньшее, уж прости, не могу, потому как, если что, мои же сторонники меня осудят. С хозяином же нынешним, Вильгельмом Маконским, мы уж сами как-нибудь разберемся. Твою милость не побеспокоим.

– Сейчас присягнем, чего тянуть-то, – косится на приятеля тощий, как старая кляча, Бабенберг. – Слово даю, никто из нашего рода против тебя шага не сделает, могу и грамоту написать.

– Присягу приму, коли выберут. За доверие спасибо! Как я рад!!!

– Только ты передай этому ироду, что мы тебе покорились.

– Епископу твоему злосчастному, твои мы душой и телом.

Что за ерунда, отчего это будущий король должен перед епископом отчитываться? Ладно, главное сделано, потом допросим.

Тук-тук, скреб-скреб.

– Генрих Лев Саксонский требует отдать ему еще и Баварию. На этом основании он признает вас своим королем. – Новый герольд вежливо склоняется передо мной. Хорошо, что не прежнего наглеца послал. С этим вроде как говорить можно.

– Баварию, с радостью, только как объяснить это Генриху Язомирготту из рода Бабенбергов, который ею правит и который уже поклялся мне в верности? Нехорошо как-то со своим-то вассалом.

– Ерунда, обещай, конечно, уговоримся с Язомирготтом, не впервой, – впирается в горницу епископ.

Только тут заметил, что глаза у него цвет в цвет, что у маминого кота Сарацина. Вот ведь где встретились!

* * *

Выборы прошли не за месяц, как это предполагали участники рейхстага, и даже не за неделю, меня выбрали единогласно в течение нескольких часов, и на следующий день 9 марта, была назначена коронация, которую проводил архиепископ Кёльнский. После обряда помазания я в статусе уже не герцога Швабского, а короля Фридриха I взошел на трон Карла Великого.

Теперь мне уже не казался удивительным сам факт, что меня ждало готовое к отплытию судно с вполне трезвой командой. Путь лежал по Майну и Рейну до пфальца Зинциг, где я переоделся соответствующим образом и пересел на свежего коня, дабы добраться до Аахена верхом. Надо ли говорить, что вся моя многочисленная свита получила новую дорожную одежду и никто не остался забыт. Все это произвело на меня самое благоприятное впечатление, так что я решил для себя за благо и впредь слушаться советов Эберхарда.

Как и было назначено заранее, 9 марта 1152 года, в воскресенье, в капелле Святой Марии, резиденции Карла Великого в Аахене, я был торжественно коронован и принял имя Фридрих I. Службу провел архиепископ Кёльнский Арнольд. В новом статусе я принес клятву оказывать любовь и уважение папе римскому, защищать церковь и всех ее служителей, а также вдов и сирот и обеспечивать всем своим подданным мир, право и порядок.

Глава 15. Эберхард – клубок тайн

На следующий день после коронации я застал своего друга епископа за снаряжением гонца. Несколько осунувшийся, но по-прежнему жизнерадостный, Эберхард уложил письмо в красную лакированную шкатулку, закрыл ее на ключик, перевязал веревочкой, запечатал сургучом, приложив свой перстень, после чего наконец изволил обратить внимание на своего короля.

– Кому пишешь? – из вежливости поинтересовался я и тут же чуть не задохнулся от услышанного.

– Папе, в Рим, – скучным голосом сообщил Эберхард. – А то как-то не по-людски получается, короновали не благословясь, так теперь хотя бы отчитаться.

– А папа того... думаешь, благословит задним-то числом? – не поверил услышанному я. На самом деле этот вопрос до сих пор не давал мне спокойно спать.

– Дров не наломаешь, благословит, – махнул рукой епископ. – Вина хочешь?

Я помотал головой.

– Папе ведь что нужно, чтобы король был добрым католиком и способным защитить его монархом. Он сколько лет звал Конрада к себе? Думаешь, много слышал о нашем короле и мечтал познакомиться? Порядка в Империи нет, римляне в году по двенадцать раз встают, папу либо в крепость Ангела загоняют, либо куда подальше. Был бы сильный император, уж он показал бы, как римского епископа уважать следует. Опять же, на юге Италии сицилийцы, норманы... эти понимают язык стали, но на нем в папском государстве считай, никто уже нонче не разговаривает. Да вот еще, пишут, объявился у них там ученый монах, Арнольд из Брешии⁶⁶, ученик Пьера Абеляра⁶⁷, который мутит воду против римского первосвященника, и люди его слушают. Знал я в прежние года Арнольда Брешинского, дивный оратор, чудодей! Любую хрень расскажет так, что вроде как и знаешь, что хрень, а заслушаешься. Абеляр-кастрат этим даром обладал, теперь вишь ты, ученики его... м-да...

В ближайшие дни, я полагаю, появится здесь доверенное лицо его святейшества, старая сволочь аббат Вибальд, прежний король его ценил. А может, уже появился и теперь вынюхивает среди гостей, сведения для папы добывает, посох себе епископский зарабатывает. Едет он с инспекцией и с поручением лично от Евгения III заставить короля Конрада прибыть наконец в Рим, дабы разобраться и с Арнольдом и с римлянами, а заодно уж корону получить. Так что не зевай. Если я правильно понимаю этого Вибальда, узнав о кончине его величества, он с тобой встречи искать станет. Не сплехуй. Будет интересоваться, отчего так быстро все прошло, мол, неслыханное дело, тверди: «По Божьей воле», пусть сам разумеет, как знает. Спросит, отчего без апостольского благословения, тот же ответ.

– А что же ты папе-то пишешь? Почему мне не подсказал, чтобы тоже писал?

– Королевская почта – одно, моя – другое, – уклончиво ответил ясноглазый. – Папа тебя поддержит, ты, главное, держись моих советов. А я что, я ведь частную переписку веду, никого из власть имущих не затрагиваю. Так... частное лицо частному лицу.

– Так ты лично знаком с папой Евгением? – опешил я.

– Ну не на помойке же я посох епископский раздобыл, – совсем по-кошачьи фыркает Эберхард.

⁶⁶ Арнольд Брешианский (ок. 1100 г. – 18 июня 1155 г.) – итальянский религиозный и общественный деятель.

⁶⁷ Пьер Абеляр (1079 г., Ле-Пале, близ Нанта – 21 апреля 1142 г., аббатство Сен-Марсель, близ Шалон-сюр-Сон, Бургундия) – средневековый французский философ-схоласт, теолог и поэт, неоднократно осуждавшийся католической церковью за еретические воззрения.

Ну и знакомства же у него! Вот теперь и думай, не сам ли папский престол переворот в стране заказал? Уж больно гладко все вышло.

– Открой, по крайней мере, отчего Церингер с Бабенбергом без подарков мне присягнули?

– Я старшую дочку Язомирготта, любимицу Рихарда, велел похитить, и Церингера тоже было чем припугнуть, вот они и...

Сверкает глазищами мамин кот, первый друг сестренки Юдит, черный Сарацин. Кружится мир вокруг, того и гляди грохнется и кувырк вниз под горку до самого ада...

Нет со мной больше моей сестренки, два года назад выдали прекрасную Юдит замуж за Людвига II Железного, ландграфа Тюрингии. Тюрингия – зеленое сердце Германии. Милая, милая Юдит, где твой кот?

* * *

– И все же как получилось, что ты лично знаком с папой Евгением III? Поведал бы своему королю. – Я потягиваюсь в постели, визит епископа пробудил меня ото сна. Или нет, проснулся я от слишком радостного звона колоколов. Причем такое чувство, что установлены они прямо над королевской опочивальней. Если это так, то завтра же придется себе подыскать местечко потише. Собственного голоса не слышно. А вообще, странное дело, вроде как второй день я король Германии, а душка Эберхард все одно ко мне, как к себе домой, в любой час дня и ночи войти может.

– Когда-нибудь и поведаю, да только пустое это, Фридрих. У нас же реально времени в обрез, Вибальд был на коронации! Сейчас с гостями твоими переговорит и к тебе запросится.

– А я не приму.

– А он дождется, когда ты из покоев выйдешь, и привяжется.

– Стражники его не пустят.

– Ага, еще скажи, намнут бока папскому посланнику? Стоит ли с этого правление начинать? Ну, полно уже валяться. Давай умывайся, одевайся и меня слушай. Времени и вправду чуть.

– Слушаю.

– Папа чего хочет? Взять власть над всеми земными владыками, ты чего хочешь? Не перебивай, сам знаю, ты хочешь, чтобы рагу отдельно, а ладан – отдельно. Логично?

– Угу. Не знаешь, отчего мне нижнюю рубаху такую тонкую положили? Это не супружнице моей клятой часом? Как бы не порвать ненароком. Можно я ее того, не стану надевать?

– Одевайся как знаешь.

– И сюрко мне неудобное приготовили, ты только глянь, подол чуть ли не по земле волохается. Нет уж, эй, кто есть живой, мою одежду несите! В этом балахоне я и в седло, поди, не заберусь, запутаюсь, как детенок, опозорюсь перед всем светом.

– Да уж хоть что-то уже надень, и ради бога, не перебивай. Кстати, на примере своей, прямо скажем, неприятной одежде можешь всем говорить, что ты не стремишься передать королевской власти внешнего блеска, мол, ратуешь за внутреннее обновление Империи. Уразумел? Повторить-то сможешь после вчерашнего?

– Да не глупей некоторых.

– Сам знаю, что не глупей, а король умнее прочих быть обязан. Да не ерепенься, знаю, какой ты ухватистый да как хорошо уроки мои запоминаешь. И правильно ты вчера говорил, что так быстро выборы прошли по воле Бога, так и дальше говори. Впрочем, я бы даже усовершенствовал высказывание. Давай так, не по воле Божьей, а усилим: Фридрих I получил свою власть непосредственно от Бога! Правда, здорово?! Нас и не такому учили, сам видишь, с одной стороны, вроде все то же, а если подумать, такие картины вырисовываются!.. непо-

средственно от Бога!!! Это же черт знает что такое! Потому как, если тебя ставит человек, ты этому человеку должен быть благодарен всю оставшуюся жизнь, если надо, встанешь на его защиту – золота, земель отвалить, дочь за него отдать. Тут же, с одной стороны, никому ничего отдавать не придется, с другой – ты ставленник Господа и стоишь выше всяких там политических дрызг.

Был такой папа Григорий VII, который считал, что как Бог над всеми земными королям и князьями, так и церковь выше царских палат. Верхняя ступенька – Бог и его ангелы, ниже – папа и священники, еще ниже – император или король, а потом уже все остальные по рангам. Но только это ведь искажение. Одейся? Ну и слава богу! Давай уж на ходу, к заутрене тебя провожу. Так вот, изначально говорили как, Бог отправил на землю два меча – меч духовной власти пожаловал папе, а светской – королю. И были эти мечи равными, потому как каждый занимался своим делом. Папе Григорию, и вслед за ним нынешнему папе этого мало, хлебом его не корми, дай главенство церкви перед светской властью высказать. Отсюда неразберихи и раздоры. К примеру, императорскую корону один только папа на сегодняшний день и может пожаловать. Не захочет – не даст. И ничего ты с ним не поделаешь, сместить разве что можно. Но это долго, затратно и вообще на крайний случай.

По коридорам замка мечутся расторопные служанки, одна плащ тащит, другая банты-ленты, а третья и вовсе нечто, больше всего напоминающее кардинальскую мантию. Интересно, много ли у меня в гостях князей церкви? И сколько из них поддерживают меня, а сколько шпионят на папу?..

– Эх, не позавтракал я сегодня, – епископ облизывает губы, хлопнув по попке проносящуюся мимо девицу с тазом для умывания в руках, та обворожительно улыбнулась, бросая в Эберхарда взгляд-завлекушку. – Но дело не ждет, – провожая глазами служанку, продолжает начатую мысль епископ. – Побегу. На службу тоже не успеваю, отмолю как-нибудь потом. Ты, главное, запомни, твоя власть от Бога, но церковь ты всегда поддержишь и защитишь. Не ради сомнительного удовольствия облобызать папские туфли или, точно простой конюх, поддерживать ему стремя, а на условиях равноправия.

Ты, Фридрих, не получил апостольского благословения перед коронацией, так что напишешь ему от себя, просто уведомив о произошедшем. Хочешь, я составлю, или сам напиши, но после все же мне покажи. Я риторику еще в детстве в монастыре учил, да и потом тоже в Италии... с софистикой вместе. Тут каждое слово требуется взвешивать, точно кусок золота, чуть недоглядишь – и...

Ну, с Богом! Дальше не заблудишься, пройдешь прямо по галерее, мимо двух постов, пересечешь двор, а там, собственно, и церковь. Я к тебе сегодня еще забегу, да, чуть не забыл, относительно архиепископа Кёльна, вернувшийся из Рима Вибальд – его первый дружочек, так что осторожнее со словами в обществе миляги Арнольда. Он нам хорошо помог, но при первой же возможности... Вообще, человек он замечательный, но слишком много времени провел в обществе покойника Конрада, а тот перед папой выслуживался, может, в духе прежних устоев, совет не тот дать. Да не беги ты так, я ведь не успеваю. Ой, глянь-ка на двор, чьи там кареты с гербами?

– Майнский архиепископ.

– Он – папский прихвостень, в смысле доверенное лицо. Хиллину архиепископу Трира можно доверять, впрочем, в его руках отродясь большой власти не бывало. И получит – не справится. Невысокого полета птица. К вечеру, даст Бог, я тебе одного пробста приведу, ну это такой человек, человечисше! Ты таких, поди, и не видывал.

– Что за пробст такой? Ты что, короля из-за какого-то пробста бросаешь?! – не выдержал я.

– Кто бросает?! – Эберхард даже остановился. – Как раз наоборот, опасаясь, как бы бедняга Райнальд Дассель⁶⁸, пока до твоей милости добирается, нож в бок не схлопотал, потому как врагов у него, что блох у шелудивой суки, зато умен! Да ты не думай, что он простой пробст, он из старинного графского рода, просто второй сын, не первый, оттого его в монахи и постригли. Про вольнодумца Абеяра я тебе рассказывал, когда о Брешинском докладывал. Того самого Абеяра, которого враги оскотили? Так вот, Райнальд его первый ученик! Сила. Кстати, хочешь уморительный случай? Как-то папа Евгений указ издал, в котором запрещал священнослужителям носить меха, мол, скромнее нужно быть, м-да, при этом о драгоценностях ни полслова. Присутствующие на папском соборе в Реймсе итальянцы с ним согласились, не мудрено, страна-то жаркая, какие меха? На этом самом соборе присутствовал Райнальд Дассель, Хильдесхаймскую церковь представлял. В общем, слушал он, слушал непогрешимого нашего, а потом возьми и поперек речи апостольской и брякни, мол, «такой закон не может понравиться ни живущим ныне, ни грядущим поколениям». Стража к нему дернулась, а папа вдруг весь сконфузился, покраснел и распоряжение свое дурацкое отменил!

Да ты не думай, он тоже ученый, после Хильдесхаймской школы для детей благородного сословия поступил в Парижский университет. Латынью и французским владеет, философ, поэт, оратор, каких поискать. Говорить начнет – заслушаешься. И главное, знания обширнейшие! Я стражу уже предупредил, что коли пробст от Хильдесхаймской церкви к тебе проситься станет, чтобы пустили, мало ли, разминемся. Ты уж прими его, нам такие люди до зарезу нужны. Ну вот, сам же до церкви тебя и проводил, хоть и не собирался. Люди на тебя смотрят. Улыбнись им, ваше величество!

⁶⁸ Райнальд фон Дассель (ок. 1120 г. – 14 августа 1167 г., Рим). Сын графа Рейнольда I фон Дасселя. Канцлер Германии, архиепископ Кёльна (с 1159 г.) и архиканцлер Италии.

Глава 16. Райнальд Дассель

Сумбурно начавшийся день продолжился в том же духе. Выходя из церкви, в ноги мне бросился проситель с пергаментом в руке, которого я как добрый монарх был обязан простить пред всем честным народом. Картинка – возвращение блудного сына, в которой монарх выступает в роли ослепшего от слез отца. Традиция, будь она неладна. Но что значит простить, когда голова опущена и лицо кудрями черными прикрыто? Кто таков? В чем конкретно виновен? Может, он детей резал? Может, дом Господень пожег?

Поднял на меня очи заплаканные юный рыцарь, представился. И тут точно пелена с глаз моих спала, вот же он – любовник моей жены. Неужто он, прелюбодей, желает, чтобы я, согласно традиции, его теперь перед всем честным людом очистил или гневом необузданным себя выдал?! А народ – его хлебом не корми, зрелищ требует. Щас! «Не по злобе, но справедливости ради покарал я тебя. И теперь не могу тебя помиловать, дабы не погрешить против справедливости», – громогласно изрек и паузу выдержал, чтобы до всех дошло. – Караю и милую не под настроение, а по закону.

Красавчик глазками хлоп-хлоп, ресницы длинные – девице впору. Не понял ничего, не карал ведь я его, хотел возразить, поспорить, но должно быть, осознал. Не покарал герцог, покарает король. В каком случае больше?

Поклонился и скрылся в толпе. Наверное, следовало кого из стражи послать проследить, куда обидчик направится, чтобы опосля... Не стал, запоздало проявляя милосердие, которое, кстати, никто не смог оценить. Сам себе зарок дал, что коли еще раз сию смазливую мордашку где встречу, боя ему давать не буду – много чести, шпорами изувечу, чтобы всю жизнь уродом ходил. Дядька меня в детстве коварным приемам боя научил, впрочем, если что, я бы его и палкой по ребрам отделал будьте нате.

Почему сразу не покарал и его и Адельгейд? Во-первых, он к тому времени уже пустился в бега, во-вторых, огласки не желал и, в-третьих, мог бы перед тем как жениться, узнать про чувства будущей жены. Это ведь не он мне поперек дороги встал, я и ему и ей жизни поломал. Короткого счастья лишил. Нет, как хотите дорогие мои, а в следующий раз я либо по любви, либо никак.

Едва за трапезу сел, епископ мой с гостем долгожданным появился, с Райнальдом, так я их, будучи зверски голодным, немедленно за свой, то бишь королевский, стол усадил. Без церемоний.

Райнальд Дассель оказался весьма приметным молодым господином со светлыми, почти белыми вьющимися волосами и голубыми веселыми глазами. Тонкий и изящный, как танцор на канате, Райнальд совсем не походил на священнослужителя. И я поначалу вообразил, будто Эберхард привел ко мне красавчика пробста от врагов прятать. Эберхард, конечно, сволочь еще та, а как еще сказать о человеке, способном детей похищать? Но и милосердия не лишен. А мне что – дворца жалко? Уж потеснимся как-нибудь, тем более что Дассель оказался очаровательным собеседником, знающим уйму интересных историй и прочитавшим множество книг. Кстати, самое забавное, что, пока Эберхард дожидался его в условленном месте, первым белокурого пробста умудрился отыскать сам Вибальд. И не просто так разыскал, а вежливо представился и, не забыв напомнить, чей он посланник, попросил выдать ему несколько редких книг из личной библиотеки Райнальда. На что тот без тени смущения заявил, что столь дорогие и редкие книги он не вынесет из тайника и не передаст досточтимому Вибальду иначе как в обмен на другие книги, которые имеются у него. Ошарашенный подобным предложением, аббат сначала превратился в соляной столб, а потом, нечего делать, кивнул, пообещав немедленно отправить слуг за просимым. На том они и расстались.

Мы посмеялись над этой историей, после чего я попросил Райнальда пользоваться привилегиями моего гостя, пока мы с епископом не найдем для него подходящей должности.

* * *

Райнальд Дассель получил должность канцлера, чему был искренне рад котюра Эберхард, и против чего тут же выступил мой личный знаменосец Отто Виттельсбах. Разгневанный тем, что, по его мнению, я провожу слишком много времени со своим новым любимчиком, Оттон ворвался в мои покои, словно обиженная любовница. Заметив вольготно расположившегося в кресле Райнальда, подскочил к нему и со всей дури наступил на ногу, когда же тот скрючился от боли, Отто ловко задрал противнику тунику, натянув ее бедняге на голову. После чего мерзавец попытался покинуть покои, но не тут-то было, содрав с головы тунику, красный от гнева Райнальд нагнал Оттона и, прыгнув на него, схватился обеими руками за поля его шляпы, рванув их вниз. Раздался треск, Отто грузно развернулся на месте, и тут только я увидел, что поля оторвались и теперь шею моего знаменосца украшает роскошный воротник. Не в состоянии сдерживаться, я прыснул, и вместе со мной засмеялись Эберхард и сидящий на полу у ног великана Виттельсбаха Райнальд. Нет, теперь он не сидел, а катался по ковру, заливаясь веселым смехом и дергая ногами. Поняв причину нашего веселья, Отто тоже расхохотался, так что мы все трое несколько минут не могли остановиться. Инцидент был исчерпан, а Райнальд и Оттон сделали не разлей вода.

После коронации Эберхард и не подумал сделать хотя бы небольшую передышку, потребовав трубить общий сбор имперских князей. Так что, отпраздновав восшествие на престол, я предстал перед высоким собранием, с просьбой отправиться со мной в Италию за императорской короной.

Как и предсказывал Эберхард, доверенное лицо папы, Вибальд, был рад поддержать это начинание, благодаря чему за поход проголосовали все духовные князья, в то время как светские, сославшись на более важные дела, отказались. Тут, наверное, следует пояснить, наши господа не прочь отправиться в поход, разграбить во славу своего короля какой-нибудь город и забрать законную часть добычи. Итальянский же поход сулил выгоду мне одному, вот они и заартачились. Самое неприятное, что официально я не имею права приказывать им седлать коней и переть со мной через Альпы. Другое дело, если бы дражайший папа был снова изгнан чернью из личной резиденции, если бы престолу святого Петра угрожала беда, или если бы князья прежде дали соответствующую клятву.

Что делать? Решили дожидаться официального вызова от папы, привезти таковой пообещал господин Вибальд, старому черту было нипочём, едва расседлав коня, снова пускаться в полное опасностей и лишений путешествие. На что мы с Эберхардом запротестовали в два голоса, посчитав, что еще неизвестно, что расскажет сей впечатлительный старец о смерти и поспешном захоронении короля, а также слишком быстром избрании преемника. Нет, безусловно, поехать к его святейшеству должны были наши проверенные люди: архиепископ Трирский, епископ Бамбергский и аббат одного из цистерцианских монастырей. Кроме того, канцлер Райнальд Дассель и королевский нотариус. Хотели еще за компанию моего капеллана Арнольда, который ко всему прочему заведует канцелярией, с собой прихватить, но тут уж я возроптал! А не слишком ли сладко вам в этом самом Риме покажется, господа хорошие? Ведь из остерий вылезать поди не будите, пока все вина в Италии не перепробуете, всех шлюх не покроете. Знаю я вас!

Для себя мы решили, что если хотим преобразований, то делать политику должны молодые люди, которых будет объединять вера в силу и мощь Империи и вместе с тем искренняя дружба и взаимный интерес. К примеру: я, Эберхард, Райнальд, Вихман, Отто,

муж Юдит Людвиг, в прошлом году у них сын Людвиг⁶⁹ родился. Другим ведь везде хорошо вместе и в походе, и дома, друзья для того и существуют, чтобы чуть что, на помощь прийти, поддержать.

Кроме того, постановили, что чиновники как в Германии, так постепенно и во всей Империи будут набираться из числа лиц, прошедших обучение в Сорбонне, Болонье или другом достойным уважения учебном заведении. А следовательно, прежде всего, мои друзья должны были убедить папу заменить старых архиепископов, епископов и аббатов новыми, способными принять свежие веяния. Чтобы помогали, а не палки в колеса вставляли. Чтобы поддерживали меня, а не шпионили на Ватикан. Эберхард уверил собрание, что ученых людей среди духовенства достаточно много, добавив, что если его святейшество и откажет мне в этой просьбе, то единственно по причине нежелания заменять своих доносчиков и соглядатаев на людей, не желающих заниматься гнусным шпионажем. Впрочем, он обещал сделать все возможное, чтобы папа не отказал нам.

Если бы Евгений заартачился, Райнальд предложил пустить вперед посольства слухом о желании короля германцев породниться с византийским императорским домом. А ведь все понимают, что папа костями ляжет, но не допустит, чтобы две Империи вдруг начали совместные действия.

Райнальд брался добиться у папы моего развода с вероломной Адельгейдой Фобургской, формальным поводом для развода послужило наше якобы близкое родство. На самом деле вполне допустимое: мой прадед являлся родным братом ее прабабки. А также неспособность бывшей супруги забеременеть. Одновременно с тем Вихман должен был распусти слух о моих контактах с Византией, так чтобы у его святейшества не осталось и доли сомнения, ежели он не сделает меня императором на моих условиях, я женюсь на византийской царевне, и тогда уже ищи меня в стане врагов.

Забегаю вперед, скажу, что, перепуганный слухами о моих шагах с Византией, папа согласился со всеми требованиями, после чего Эберхард попросил его вызвать меня в Рим, якобы спасая папский престол от очередной раз взбунтовавшейся черни. Не отдыхая, мои друзья отправились в обратный путь, а вслед за ними в Германию были высланы полномочные легаты, которым папа дал право помочь мне произвести чистку в рядах наших церковников.

В обмен ребята поклялись от моего имени, что ни один византиец не ступит на землю Италии, а я не стану вступать в союзы ни с Сицилией, ни с восставшими римлянами без позволения на это папы.

Таким образом у меня появился формальный повод собирать войска. Тем не менее поход откладывался на целый год, но это и понятно, какой же нормальный северянин поедет в Италию летом? Да на этой жаре я потерял бы половину своего одетого в железо войска. Кроме того, дома было столько дел, что в отсутствие друзей я уже изнемогал под свалившейся на меня ношей. Дома... а был ли у меня дом? Столицы в Германии, во всяком случае, не было. Штауфен уже принадлежал кузену, я, правда, время от времени наведывался в отчие земли, но это было уже не то.

Были королевские резиденции, которые я использовал по мере необходимости. Прежде, когда я был герцогом, то правил исключительно сидя в седле, никогда подолгу не останавливаясь на одном месте. Будучи королем, я не утратил прежней привычки, только владения мои теперь сделались больше, и двигаться приходилось быстрее. А так... как и прежде, я носил скромные, удобные наряды, вот разве что свита увеличилась, дополнительных лошадей с собой брали, а так... да и нужен ли холостяку дом? Домой возвращаются,

⁶⁹ Людвиг III Благочестивый (1151/52 г. – 16 октября 1190 г.) – ландграф Тюрингии с 1172 г., из династии Людовингов. Старший сын Людвига II и его жены Юдит фон Гогенштауфен.

предчувствуя встречу с родными, любимая жена, дети... мне же Господь от щедрот своих пока что пожаловал только корону. Вот и целуйся с ней, глупый, высокомерный Штауфен. Нет, корону с собой я не беру, больно надо эдакую тяжесть таскать, да и к чему она? Зимой может ко лбу примерзнуть, летом жаром обожжет, а коли потеряю?..

Стежками-дорожками из Ахена я отправился в Утрехт. Почему именно туда? Гонец от местного епископа прискакал с пергаментом. Оказалось, добрые жители славного города Утрехта озверились на своего не менее доброго епископа⁷⁰, кстати, моего горячего союзника, да и вышвырнули того из города. Как некрасиво.

Пришлось объяснять, кто тут хозяин, кто имеет право карать и миловать. Осадил по всем правилам военного искусства, поймел тараном главные ворота, после чего ввел под белы ручки душку епископа в его же город. Народ пошумел малость, но больше не сопротивлялся, так что и развешивать на площадях было особо некого. Утешив епископа, научил его, как пойти с городом на мировую, мол, сообщу официально, что-де он заступился за чад неразумных, а я соответственно проявил милость. Так что на этот раз отделаетесь починкой ворот, ну, а коли после всего произошедшего кто-нибудь еще хоть раз свой поганый хвост поднимет, того подвергать денежному штрафу. А что? Мне еще в Италию ехать, чай монеты нелишние.

Из Утрехта в Магдебург, там как раз проходили архиепископские выборы. Такое дело нельзя на самотек пускать. Приезжаю, в городе шум и крик, вот-вот стенка на стенку пойдет. Такие страсти кипят. Не порядок!

– Что, братцы, орете? Кого волки задрали? Козлы забодали? Отчего сыр-бор?

Оказалось, выбирали долго, взвешивали, обмеряли, оценивали, даже испытания устраивали, а два кандидата как с первого дня начали брать одинаковое количество голосов, так и идут голова в голову. Хоть иголки под ногти загоняй этим избирателям, никто на мизинец уступить не желает. Посмотрел я обоих, послушал. Не королевское дело – в дерьме копать. А тут куда ни ткни... в общем, прогнал обоих, и своего кандидата из Наумбурга вызвал Вихмана – друга детства и юности. Оно, может быть, и несправедливо, и в нарушение Вормсского конкордата, согласно которому светский правитель не имеет права назначать на церковные должности, но, право слово, если бы папа только знал, каких, прости господи, кандидатов на столь ответственную должность предлагают, он бы меня поддержал.

В общем, решил, что Вихман Наумбургский – хороший выбор, и город его рано или поздно полюбит, какое там, соборный капитул немедленно высказал протест, возопил, мол, нарушено каноническое право. Я в ответ сослался на королевскую прерогативу принимать решение в спорных случаях. Они мне указали на то, что, пока папа не даст своего согласия, мой кандидат по-любому не будет рукоположен в сан архиепископа. Думали, я отступлю, не на того напали. Капитул отправил свои ябеды в Рим, и я тоже написал своей делегации, прося их выклянчить заодно архиепископское место для Вихмана. И не дожидаясь ответа, на рейхстаге в Мерзебурге торжественно пожаловал ему это архиепископство в лен. А вот теперь, господа законники, подумайте и рассудите, если лен принадлежит старине Вихману, и этот лен суть архиепископство – то кому в нем быть архиепископом?

⁷⁰ Херман ван Хорне, епископ Утрехта (1151–1156).

Глава 17. Империя молодых

Только поздравил Вихмана, Генрих Лев по новой требует обещанную ему Баварию, будь она неладна. А Альбрехт Медведь почему-то отказывается ее отдавать. Кто бы мог подумать?! И что с этим делать? Силой отобрать? Так он потом меня вором обзовет. А мудрейшего Эберхарда и трижды мудрейшего канцлера черти по Италии носят, приходится самому выкручиваться. Чтобы Саксонский герцог не обижался, подарил ему местечко Гослар со всеми его серебряными рудниками. Тот подарок взял, а от Баварии не отступился. Повис вопрос дамокловым мечом.

Немного о Госларе – во-первых, это территория, традиционно принадлежащая императору, то есть уже большая честь и доверие ею править. Во-вторых, из Гослара можно контролировать расположенные на Гарце крепости и тем самым обеспечивать прикрытие войска на марше к Брауншвейгу, если таковое понадобится. Добавьте к перечисленному серебряные рудники – и получится вполне себе приятная картинка.

Далее меня попросили рассудить спор с престолонаследием в Дании, и я сделал точно так же, как при назначении Вихмана, понравившегося мне кандидата короновал и Данию ему же в лен передал. А противнику наказал, чтобы на моих глазах меч свой новому королю вручил.

Не успел выехать из Дании, посланец из Рима нагоняет. Друзья поздравляют с разводом! Ух! Гора с плеч! И тут же любезнейший канцлер советует найти способ подчинить себе Венгрию, как это было при Генрихе III. Легко сказать, да трудно сделать. Они там что перепились совсем в этом Риме, если забыли, что у меня нормального войска нет. Откуда возьмутся рыцари? Уж не Генрих Лев ли мне их даст?

Да уж, как ни крути, а придется с Баварией разбираться. Так что я снова в пути, теперь уже к дядюшке Язомирготту. Предложил ему вместе отомстить венграм, которые его войска лет десять назад отымели на реке Лейте. Ему за честь – поквитаться с давними обидчиками, ну а мне, так и быть, побежденных венгров на шею. Отказался. Да и другие князья южной Германии этим предложением не воодушевились.

Ничего не получилось, и я поспешил в Аахен, где, как мне доложили, находился мастер, строящий невиданные до этого машины, годные как для захвата крепости, так и для ее обороны, а также передвижные башни, в которые можно было спрятать лучников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.